

16+

АЛЕКСАНДР МИНИН
ДРЕВНЯЯ БУРЯ

Александр Минин

Древняя буря

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Минин А.

Древняя буря / А. Минин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-94624-8

Джек путешествует по Европе и рисует комиксы о демонах, оборотнях и охотниках. Размеренная жизнь разбивается вдребезги посреди Лондона, где художник узнает, что все сказки, особенно самые мрачные, правдивы. Что теперь выберет Джек – безопасную жизнь отшельника или рискнет погрузиться в угрожающий круговорот из оживших легенд прошлого? Удастся ли ему выжить?

ISBN 978-5-532-94624-8

© Минин А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Минин

Древняя буря

Глава 1

Оборотень бросил свое тело в воздух. Шерсть на загривке слиплась иглами. Бугры мускулов выпирают на лапах. Из пасти хлопьями летит пена и повисает на морде. Клыки торчат неровными рядами, и их явно больше чем было бы у обычного волка пусть и весом в шестьсот фунтов.

Я обмакнул перо в тушечницу и продолжил линию шрама на левой лапе зверя. Осталось закончить пару деталей фона и рисунок готов. Аккуратно пристроив перо в подставку (клякса – это всегда обидно, но перед последним штрихом она может свести с ума), я покрутил шейей и начал массировать глаза. Освещение последние полчаса было ни к черту. За окном до самого горизонта протянулись пологие равнины провинциальной Франции. Столбы света, пробивающиеся в разрывы между облаками, бродили по ним, то исчезая, то вновь появляясь. Солнце мелькало в листве пронесившихся мимо деревьев. Вернее, в промежутках в размытой зелено-коричневой полосе. На скорости около трех сотен километров в час, которую развивает «Евро-стар», разглядеть отдельные деревья практически невозможно.

Откуда-то из-под локтя раздалось придушенное: «Вау!» Рядом со мной, не отрывая глаз от рисунка, плюхнулся мальчишка лет тринадцати в джинсовом костюме и бейсболке с эмблемой «Чикаго Буллз».

– Эт вы нарисовали, м`стер?

Да, судя по говору, мальчик явно едет не в гости. Несколько странное звучание знакомых английских слов, но не так как их произносят американцы или шотландцы. Как гласит пословица: «Сунь англичанину в рот горячую картофелину и получишь шотландца». Парень же говорит чисто, но проглатывает некоторые звуки – видимо это и есть лондонский «кокни», диалект над которым так потешалась Шейла.

– Эй, м`стер, с вами все в порядке? – Подросток попытался заглянуть мне в глаза.

Я представил, как должно быть выгляжу со стороны: в вагоне ультрасовременного поезда, покрывающего расстояние между столицами Франции и Соединенного Королевства за три с половиной часа, на мягком зеленом диване, среди хрома и полированного дерева сидит парень, в кожаной куртке, брюках с кучей карго-карманов и тяжелых армейских ботинках, словно только что слез с мотоцикла, да еще и с накинутым капюшоном худи. Для переезда у него слишком мало вещей, а для поездки в гости, слишком много – такое чувство, будто он просто везет с собой все свои нехитрые пожитки. Перед ним, на приставном столике разложен лист плотной бумаги, стоит допотопная чернильница и он, как средневековый монах, иллюстрирующий рукописную библию, выводит линии, временами макая перо. Не хватает только свечи. Перо у меня, правда, такое, о котором древние переписчики могли только мечтать – стальное ультратонкое Noob`s № 101. И капюшон я натянул только с той целью, с какой лошади надевают шоры – отсечь все ненужное. Что бы ничто не отвлекало от сюжета. Я художник. Но не обычный – я рисую комиксы. А это работа с диким напряжением по срокам. Как раз через два дня подходит время сдачи следующего выпуска «Ходящего по стеклу», поэтому я использую каждую свободную минуту для работы. В начале поездки это казалось хорошей идеей, но бесшумная езда и, как говорят, невозможность пролить ни одной капли воды из стакана (ничто не колышется) вызвало странное чувство укачивания, которое, впрочем, помогло полностью погрузиться в работу, хоть я и чувствовал теперь некоторую заторможенность.

Мальчик поднялся, видимо желая позвать кого-то из взрослых.

– Не совсем я. – Ответа на первый вопрос думаю, будет достаточно. – Я контуровщик. – Это было лишь частью правды, но вдаваться в подробности мне решительно не хотелось.

– Как это?

– Рисунок сделан карандашом, а я обвожу его тушью, что бы он стал ярче и глубже. Так делаются все комиксы.

– Вау! Так эт будет комикс?! – Парень с новым интересом посмотрел на мою работу. – А как он наз`вается? А еще картинки у вас есть? Эт про оборотней, да? – Мальчишка просто взорвался вопросами.

После окончания работы у меня всегда в голове некоторая пустота. Иногда несколько минут иногда дольше. Все зависит от размера и сложности изображения. Мне всегда нужно время, чтобы «отпустить» сюжет, который занимал все мое внимание. Ничего не значащая беседа не самый плохой способ вернуться в окружающий мир, тем более, что работать дальше будет сложно – мы скоро въедем в тоннель.

– Как тебя зовут? – я плотно закрутил крышку бронзовой тушечницы, купленной в Гамбурге на барахолке. Она представляла собой шар размером с крупный апельсин, держащийся на подставке из языков пламени, выполненных из какого-то светлого медного сплава. Весь шар покрыт различными значками, рунами и узорами. Выглядит круто. Я даже использовал некоторые из них в своих работах. Вряд ли мне кто-то предъявит иск о нарушении авторских прав.

– Эдвин, а вас?

– Зови меня, Джек. – Вообще-то меня зовут Евгений, но мне всегда казалось, что это звучит как-то претенциозно, а Женю, как я уже давно понял, англоязычный собеседник моментально переделает в Джека. Так зачем время терять? И потом, это стало особенно смешно после выхода «Пиратов Карибского моря» – по матери фамилия моя Воробьев.

– Это «Ходящий по стеклу». Двадцать третий выпуск. – Я думал, что более удивленным и восхищенным выглядеть нельзя. Я ошибался.

– Ух ты! Так это я ваш комикс купил? – Эдвин наклонился и достал из лежащего у ног рюкзака, с изображением какой-то рок-группы, буклет в еще не сорванной, полиэтиленовой обертке. На обложке был изображен крадущийся по улицам полуразрушенного города Охотник с ружьем, за которым наблюдал притаившийся в тенях огромный волк.

– Ну... Скажем так, я один из авторов. – Не стану я объяснять пацану, что такое контуровщик на самом деле. И что над комиксом, вызвавшим у него такую бурю восторга, я тружусь только ради денег. История о злобных монстрах и неизменно благородных Охотниках, на мой взгляд была лишена всяческого смысла и напоминала своим сюжетом старые, еще черно-белые голливудские «ужастики». Однако ее выпуски выходили регулярно и с такой периодичностью, что издательство время от времени подряжало меня в качестве этого самого контуровщика – специалиста, обводящего тушью карандашные эскизы другого художника. Это позволяло сэкономить кучу времени и выпускать «Ходящего» просто с пулеметной скоростью.

Я же являюсь приверженцем преобладания качества над количеством. Романы в картинках, автором которых являлся я, почти никогда не объединялись в серии. Сюжеты для них я искал в мифах и легендах разных народов. Так же я искал различные виды для работы с природы, забираясь для этого в самые живописные уголки старушки Европы. Оплачиваются мои рисованные романы лучше массового чтения, но выходят они существенно реже, вот и приходится подрабатывать, трудясь над красочными, но достаточно бессюжетными проектами.

– Суупер! – протянул мальчишка. – А этот про что будет?

– А разве тебе не интереснее будет прочитать самому?

– Ну... – Эдвин не сдавался – А в`мпиры будут? Они клеевые! Или только оборотни?

Я вздохнул. Свет клином сошелся на этих вампирах. Практически в каждом мистическом триллере, будь то фильм или книга, обязательно выступают идейные последователи графа Дракулы или же сам валашский господарь. В каком-то из американских фильмов его даже

сыграл афроамериканец (папаша бы настаивал на термине «ниггер», но лишь дома и после третьей бутылки пива). Уже есть вампиры мужчины, женщины, дети. Вампиры полицейские и вампиры адвокаты, вампиры гомосексуалисты и вампиры борцы за справедливость, вампиры священники и вампиры писатели. Если бы так пиарили реально существующего человека, я бы сказал, что в следующем году он будет президентом. Сила литературы и массмедиа просто огромна. Недаром в шестидесятых, после грандиозного успеха «Властелина колец» в Штатах, на стенах появлялись надписи «Фродо жив!» или «Гэндальфа в президенты!»

– Нет, обойдемся, я думаю без вампиров. Но не волнуйся, там много разных видов вервольфов, да и другие персонажи будут. Демоны, например. – Подмигнул я. – Только никому не говори – это пока секрет.

– Класс! Джек, а скажите... – мальчишка замылся и уставился в пол – Вы верите, что они существуют? – Он приподнял голову и как-то странно искоса взглянул на меня.

Я не так часто бываю на всяких конвентах и фестивалях, однако уже успел привыкнуть к этому вопросу. Рано или поздно его задает почти любой фанат комиксов, младше восемнадцати лет. И каждый третий из тех, что старше. У меня уже есть свои любимые заготовленные ответы.

– А как ты сам думаешь? – я заговорщицки подмигнул, как часто делают взрослые, когда хотят намекнуть ребенку на нечто «очень важное, но мы же никому не скажем».

Эдвин молчал и продолжал смотреть на меня каким-то остановившимся тяжелым взглядом. Совсем не по-детски.

– Я думаю, нет. – Удивил меня мальчишка – Иначе они наверняка попытались бы разыскать вас. И если хотя бы треть написанного вами о них правда, это встреча не принесла бы вам благо. – Это «благо», сказанное со всей серьезностью, меня доконало. До меня дошло, что смешной говор мальчишки сменился классическим, хоть и несколько архаичным, оксфордским произношением (я когда-то писал курсовую работу по сравнительному анализу диалектов центральной Англии и северного Уэльса)

– Что ты имеешь ввиду? – оторопело спросил я. В желудке вдруг возник противный ледяной ком, возник и тут же пропал.

– Ну они б наверняка хотели бы п`лучить ваш автограф м`стер. – Эдвин сверкнул улыбкой, какой умеют улыбаться только дети и собаки, растянув рот до ушей и демонстрируя отсутствие кариеса.

Видимо я слегка переутомился или так и не «отошел» от работы вот и мерещится всякая чушь. Мддя, «срочно нужно выпить капли от головы».

– Ну конечно. – С облегчением, я разорвал обертку на номере, который протянул мне мальчишка и прямо на титульном листе вывел своим лучшим «готическим» шрифтом: «Эдвину, не верящему в оборотней. Джек Спэрроу». Джек Спэрроу это имя, под которым я пишу и на которое выдан мой аргентинский паспорт, но это долгая история. Написав, я тут же пожалел об этом. Надо было выбрать что-нибудь более простое и слегка поучительное, как обычно я и делал на тех трех «встречах с автором» на которых я присутствовал по договору с издательством. Но то ли моя усталость сыграла злую шутку, то ли я сам злился за минутную слабость (хоть и сам не понял на кого), но надпись вышла слегка саркастичной. Я протянул журнал назад.

– Ух, зашибись! Спасибо, м`стер Спэрроу. Братва обзавидуется! – он так увлекся разглядыванием своего приобретения, что не заметил, как «Евростар» сбросив ход, въехал, наконец, в тоннель. Поднял он голову только когда за окнами потемнело, а под потолком включились лампы.

– Почему темно?! Уже ночь?! – Эдвин вскочил, уронив комикс на пол. Невидящими глазами он смотрел в окно, а на лице его был написан самый настоящий ужас. Я подумал, что

не часто можно встретить в реальной жизни человека меняющего эмоции столь явно и столь резко, без переходов. Впрочем, я мало общаюсь с подростками.

– Успокойся. Мы всего лишь въехали в тоннель. – Я старался говорить помягче, еще не хватало, что б на его крики явился кто-нибудь выяснять, что это тут происходит и кем ребенку приходится этот подозрительный тип.

– Ты разве забыл, что путь наш лежит под Ла Машем? – От волнения я сам заговорил каким-то высоким штилем.

– И кстати, ты едешь один?

– Да... Нет... Мне пора, извините. – Подхватив сумку и комикс, мальчишка дунул по вагону. Видимо смутился, что выставил себя на посмешище. В его возрасте мне казалось, что надо мной все время потешаются.

Не очень-то я умею ладить с детьми. Жаль, что со мной не было Шейлы. Вот уж кто, наверное, может найти общий язык с кем угодно. Несколько лет она была волонтером Армии Спасения, затем собирала подписи в защиту памятников старины, а последние полгода была активистом движения «зеленых» со странным поэтическим названием «Защитники Гайи». Гайя или Гея была, кажется богиней Земли и природы у древних греков. Ага, я парень начитанный. Мне как писателю мистических романов, хоть и рисованных, приходится проводить много времени в библиотеках, интернете и просто в расспросах, в поисках захватывающего сюжета.

С Шейлой мы познакомились полторы недели назад на конвенте. Она резко выделялась в толпе подростков, толкающихся у нашего стенда. Помню, я говорил с Гвидо Рейнхартом, моим агентом, о новом проекте. Он отошел на пару шагов чтобы ответить на телефонный звонок, а я от нечего делать стал пялиться в толпу. Мысленно я продолжал спорить с ним и не сразу заметил, что уже несколько минут смотрю, не отрываясь на стоящую в нескольких ярдах рыжеволосую девушку, словно сошедшую со страниц современного романа о Диком Западе. На ней была клетчатая рубашка, завязанная узлом на животе, джинсы, с фантазией прорванные в различных местах и ковбойские сапоги. В вырезе рубахи мелькало несколько кулонов и подвесок из дерева и камня на кожаных шнурках. Но мое внимание привлекла стетсоновская шляпа с низкой тульей и широкими полями. Из-за нее, а также из-за того, что девушка была на целый фут ниже меня, я мог видеть только подбородок и пряди волос цвета меди, настолько насыщенного оттенка, что казались не завитками и локонами, а частью какого-то кольчужного оголовья, выполненного необычайно искусно. Помню, я еще успел подумать, что раз нашим творчеством интересуются столь яркие и привлекательные юные леди, то... Что именно «то» я уже не задумывался, так как мое очаровательное видение сделало шаг в сторону и подняло голову, посмотрев прямо на меня. Ее глаза... Нет, не так. ЕЕ ГЛАЗА казалось, заслонили для меня весь мир с его выставками, павильонами, фанатами и вернувшимся Гвидо, который уже снова начал мне что-то доказывать. В студенческие годы я был очень застенчив при знакомствах с девушками. Именно тогда я и выработал свой способ начинать разговор. И сейчас, находясь в совершеннейшем ступоре, я на автомате повел себя как обычно: буркнув Рейнхарту, что со всем согласен, сделал два шага и, глядя в эти невозможные глаза всех оттенков зеленого и бирюзового, сказал: «Я должен Вас нарисовать!». Она посмотрела на меня прямо, помолчала и спросила: «Зачем?». Простой вопрос, заданный безо всякого подтекста, смысл все мои намерения продолжать разговор по накатанному шаблону, я растерялся и впервые в жизни, наверное, сказал, не задумываясь о последствиях: «Я хочу этого больше всего на свете». Она тихо рассмеялась и сказала: «Мне приятно будет выполнить ваше самое заветное желание. Но о чем же вы будете мечтать, когда оно исполнится?» Набравшись наглости, я сказал, что всегда могу мечтать о нашей следующей встрече. Она рассмеялась, и мы пошли пить кофе.

В кофейне я уже смог общаться, не пялясь на нее как шестнадцатилетний подросток на свою первую и, конечно же, единственную любовь. Я даже слегка удивился, что это на меня

нашло. Но это было позже, а вначале мы разговорились. Я расспрашивал девушку о том, чем она занимается и что привело ее на этот съезд малолетних «ботаников» и, питающихся чипсами и «кокой», сорокалетних толстяков, часами спорящих о том, кто круче – Бэтмен или Супермен. Шейла (к тому моменту мои хорошие манеры пробудились и мы, наконец, познакомились) рассмеялась и сказала, в этом городе она с группой экологов проводит некоторые исследования. И вот в выдавшийся свободным вечером случайно заглянула на «Ежегодную литературную ярмарку», во всяком случае, так гласила табличка при входе. И лишь попав внутрь, она поняла, что литературы как таковой там все же нет. А затем Шейла сделала мне царский подарок. Она наклонилась поближе и, понизив голос произнесла: «Вы Джек, только не обижайтесь, но я не очень люблю комиксы. Единственным исключением был роман в картинках «Кровь и шоколад», который я прочла в прошлом году. Это было нечто совершенно особенное!» – Девушка сдула с лица прядь непослушных волос, смешно наморщив носик. Я же сидел, ни жив, ни мертв, понимая, как чувствует себя владелец лотерейного билета, у которого вот-вот откроется последняя выигрышная цифра. «Там была действительно захватывающая история и такие иллюстрации, что казалось, будто я смотрю фильм. Я даже пыталась на вашей ярмарке найти что-то похожее, но все продавцы готовы говорить лишь о своем товаре, а фамилию автора я забыла». Она смущенно улыбнулась, а мое сердце сначала споткнулось, а затем забилось с частотой сумасшедшего барабанщика, где-то в горле. Я наклонился к своей сумке стоявшей у ножки стола и вытащил свежий авторский экземпляр «Мерзлячка из Хилтона» который мне сегодня привез Гвидо. Это был мой самый новый роман. Он был посвящен Маленькому народцу северного Уэльса. «Что ж, я подпишусь настоящей фамилией. Возможно, ее запомнить проще» – нарочито небрежно сказал я. И пока моя прекрасная читательница (Черт! Ей нравятся мои романы!!) изумленно округляла глаза, пытаюсь поверить в такое совпадение, я разорвал обертку и размашисто написал на русском: «Шейле, с глазами цвета Зеленого Эрина. Евгений Воробьев». Она улыбнулась, и я понял, что ради этого момента я и рисовал свои романы. Просто не знал этого раньше. «Вот и не верь в чудеса после этого» – она раскрыла буклет посередине и уткнулась в него носом. «Он только из типографии? Судьба сегодня в хорошем настроении» – она попыталась прочесть мою подпись, а я смотрел на ее руки. Загорелые, крепкие, даже слегка мускулистые, но с изящными длинными пальцами. Она не носила колец, и лишь на правом запястье красовался сложный браслет из перевитых вместе бронзовых цепочек и кожаных шнуров. «На каком языке это написано?» – спросила она...

Мы проболтали весь вечер. Оказалось, что она знает уйму старинных валлийских и гэлльских легенд. А я же в ответ рассказывал былины древней Руси, польские и румынские сказания, а также предания индейцев Навахо. К сожалению, исследования ее группы подошли к концу, и следующим утром Шейла улетала в Лондон, а оттуда домой, в маленький городок под названием Баглан-Тидвил, неподалеку от Сноудона, высочайшей горы Уэльса. С удивлением я осознал, что Шейла не хочет расставаться, так же, как и я. Обычно особым успехом у женщин я не пользуюсь. Посудите сами: длинный, угловатый, бреющийся налысо тип, предпочитающий одежду мрачных тонов полувоенного или походного фасона. Вдобавок разочарование, которое испытывали мои потенциальные пассии, когда после слова художник я говорил «комиксист», также не облегчало путь к их сердцам. Тем большим было удивление, когда мое зеленоглазое видение, распрощаться с которым навсегда я уже был практически готов, произнесло: «А не хотел бы ты приехать в Уэльс? У меня начинается сезонная практика. И я показала бы тебе все живописные, таинственные и мистические уголки нашего графства». При этом она взяла меня за руку и с тревогой заглянула в глаза. Она что, действительно волнуется, что я могу отказаться?! Да всей моей выдержки хватило, чтобы не заорать «Да!!» на весь парк, в котором мы гуляли к тому моменту. Вместо этого я повернулся и произнес: «Мне нужно уладить некоторые дела, но ровно через девять дней я буду ждать тебя на вокзале Сент-Панкрас в Лондоне»

Вот так я оказался в вагоне «Евростара». И именно поэтому я предпочел даже в поезде продолжать работу. В последние дни стоило мне расслабиться и меня начинали терзать всечеловеческие сомнения и страхи. Мысли мои крутились вокруг Шейлы ап Лливелин Мак`Фиона. Диагноз был ясен как Божий день. Я влюбился без памяти.

Глава 2

На перроне была уйма народу. И как всегда все куда-то спешили, толкались чемоданами, обнимались и перекрикивались. У меня багажа всегда немного: спортивная сумка, футляр с ноутбуком и тубус с бумагой. Но даже с этим не хитрым скарбом двигаться сквозь толпу было не очень-то удобно. Тем более что я вдруг сообразил, что не знаю куда идти. Предполагалось, что Шейла встретит меня у вагона, но... Вполне вероятно, что она находилась в другом конце состава. Если вообще пришла. Любимые страхи выскочили из уголков подсознания и накинулись на меня с энтузиазмом стайки оголодавших пираний. Но Господь да благословит мобильные телефоны. Я взобрался на какое-то возвышение, ухватился за поручень и не дрогнувшей (ну практически) рукой набрал номер. Она ответила так, будто держала телефон в руках.

– Джек?

– Да, миз Мак`Фиона. Я тут практически потерялся, плачу и хочу к маме. – От облегчения меня потянуло на некоторую фривольность.

– Такой большой мальчик не должен плакать. – Ее голос подействовал на меня как чашка ароматного крепкого кофе в мглистое осеннее утро – Оглянись.

Я крутанулся на своем постаменте, чуть не сверзившись под ноги какой-то старушенции с тележкой и увидел Шейлу. Она стояла на другой стороне перрона в кожаном плаще и своей замечательной шляпе из-под которой выбивались эти непослушные кудри цвета остывающей меди. Я так увлекся разглядыванием, что лишь через пару минут сообразил, что нас разделяют железнодорожные пути и что все это время очаровательная миз Мак`Фиона что-то говорит мне в прижатую к уху трубку.

Видимо поняв, что кроме улыбки блаженного идиота вряд ли чего-нибудь от меня добьется, Шейла настойчиво помахала рукой куда-то в сторону. Удержавшись от того что бы помахать ей в ответ, что означало бы безвременное расставание со спасительным поручнем, я напряг свой могучий интеллект и посмотрел туда, куда указывала девушка. Все верно – над путями переброшена ажурная конструкция переходного моста. Выдав себе медаль «За успешную мыслительную деятельность ввиду противника», я соскочил с постамента и мужественно двинулся вперед, ощущая, что лишь багаж не дает воспарить мне над перроном. На долю секунды я даже удивился столь сильному для меня чувству, но тут же с негодованием отбросил начавшееся самокопание. «Что за привычка! Только тебе привалило такое счастье, как ты готов своим занудством испортить все настроение!» – мысленно сам себя одернул я. Что бы поскорее выбросить из головы возможные пораженческие настроения, я поскакал вверх по лестнице через две ступеньки, благо мои нижние конечности, по ошибке именуемые ногами, проделывали это без труда. Но как говорится на родине моей матери: «Поспешешь – людей насмешишь». Вышло, правда, не совсем смешно, разогнавшись, я толкнул какого-то благообразного старичка, который как раз наклонился над своим саквояжем. Вместе мы растянулись на ступеньках, а тубус пребольно стукнул меня по затылку. Вскочив, я помог ему подняться и, бормоча извинения, красный как рак, в ужасе оглянулся, ожидая увидеть Шейлу, ставшую свидетельницей моего позора. Но простенок между автоматом с Кока-Колой и указателем на выход к такси был пуст. В растерянности я завертел головой и вдруг увидел троих мужчин в одинаковых черных куртках и с похожими стриженными затылками, которые быстрой, и какой-то синхронной походкой удалялись в сторону перехода к камерам хранения. Вот они сдвинулись, заворачивая за угол и между их черными спинами, как луч закатного солнца блеснула огненная шевелюра Шейлы. Абсолютно обескураженный, я спустился с мостика и подошел к тому месту, где еще несколько мгновений назад она стояла. То, что я обычно называю своим интеллектком, наконец-то решило поучаствовать в происходящем, и я сообразил, что можно снова позвонить и все выяснить.

Дрожащими от волнения пальцами я набрал номер и стал вслушиваться в длинные гудки. Где-то рядом громко зазвонил телефон. Я опустил глаза и увидел металлическую урну, на дне которой, дребезжа и подпрыгивая, разрывался мобильник. Наклонившись, я поднял его и уже устав удивляться, тупо уставился на свой высветившийся номер.

Я могу поверить в то, что девушке пришлось так срочно уйти, что она и двух минут не смогла меня подождать. Я могу поверить в то, что она не стала перезванивать мне и объяснять причины своего поступка. Всякое случается в жизни и не всему, то, что мы называем здравым смыслом, может найти объяснение. Но вот в то, что девушка спешно ушла с какими-то мрачными личностями и при этом решила, что ее телефон «ей надоел» поверить я не мог. Случилась какое-то грандиозное свинство. Девушку, которая меня ждала, увели. Возможно ей грозит опасность. Надо что-то делать.

Мысли выходили короткими и резкими, так как додумывал я их уже несясь сломя голову в ту сторону, куда несколько минут назад увели Шейлу. Со стороны это выглядело, наверное, довольно смешно – высокий, худой, лысый мужчина мчится, огибая людей с чемоданами и кофрами, а по бокам и спине его хлопают две сумки и тубус. Но на вокзале бегущие люди – это частое явление. Так что в маленький коридорчик, ведущий, как мне казалось к камерам хранения, я влетел, не привлекая ничьего внимания. К сожалению. Пробегая по облицованному кафелем коридору, я вдруг понял, что мои шаги грохочут не хуже пушки на Адмиралтейской площади в полдень. За исключением шума, издаваемого мною, вокруг стояла гробовая тишина. Казалось, что я каким-то чудом перенесся с оживленного вокзала на заброшенный склад или, если судить по виду стен, в какую-то не менее заброшенную больницу. Но остановиться на этой мысли я не успел – мои ноги вынесли меня в небольшую комнату, заканчивающуюся с другой стороны железными, наглухо заваренными дверями. Никаких камер хранения тут не было. Зато наличествовали два уже знакомых мне владельца черных курток. Один стоял спиной ко мне посередине комнаты, держа руки в карманах. Второй же... Второй удерживал Шейлу в метре над полом, ухватив ее своей лапищей за горло и впечатав в стену. Краем сознания отметив странное отсутствие третьего «черного» (я твердо помнил – их было трое) и престранное выражение лица миз Мак`Фиона – не похоже было, что она задыхается или напугана, скорее это напоминало какую-то странную безумную улыбку, я поступил так как всегда поступают герои всех комиксов или рыцарских романов. Оседлав своего воображаемого Росинанта, я кинулся защищать прекрасную даму. Первым делом, пользуясь тем, что ближайший «мускул» стоит ко мне спиной, я с разбега ударил его ботинком в колено сбоку и кажется, услышал хруст. Согласен, прием подлый, но разве два бугая на хрупкую девушку это справедливо? С воплем громила повалился на спину и как я понадеялся «выбросил полотенце». Не теряя времени, я подскочил ко второму здоровяку, который начал поворачиваться ко мне. Делал он это с величавой неспешностью орудийной башни линкора. Мне показалось, что в его лице, что-то неправильно и что вот сейчас он повернется, и я это увижу, но тут в битву вступила легкая кавалерия в лице Шейлы. Издав какое-то совершенно не женское рычание, она ткнула «большого парня» в глаза, и он с утробным ревом отшвырнул ее в сторону. Видимо до этого момента я никогда не злился по-настоящему, потому что залившая мне глаза пелена и гром барабанов в ушах, от которого казалась, сейчас что-то лопнет, не имели ничего общего ни с милым, хоть и мрачноватым Жекой, ни с интеллигентным художником Джеком. С диким воплем я обрушил на лицо, протирающего глаза бандита сумку с ноутбуком. Видимо я разбил ему нос, так как брызнула кровь, а сам он упал на колено и схватился за морду. Залитую кровью, ее было сложно рассмотреть, но я художник и мне сразу бросилась в глаза некая диспропорция. Слишком выступающие скулы, чрезмерно вытянутый и костистый подбородок, нависающие надбровные дуги. И зубы – острые, как будто их все подпилили на правильный треугольник. Возникшее чувство омерзения к шизанутому фрику, только усилило тот удар в голову, который я нанес стоящему на коленях уроду, при этом мне почти не пришлось нагибаться, при

моем то росте. Кажется, мне очень сильно повезло и нам с Шейлой пора смываться... Шейла! Я обернулся посмотреть, как там она и даже успел увидеть, как она поднимается по стенке, протягивая ко мне руку, но тут свет заслонила огромная тень. Третий «черный», стоявший оказывается все это время, а с появления карающего мстителя прошло всего-то несколько мгновений, в незамеченной мною нише за калорифером, схватил меня за плечо и развернул к себе, практически подняв над полом. Этот был не только силен, он и двигался не так, будто пробовался на роль Франкенштейна в плохом фильме. Он был быстр. Я имею ввиду не просто быстр, он вполне мог сниматься в «Матрице» если бы братьям Вачовски пришла в голову идея сэкономить на спецэффектах. Он притянул меня к себе с легкостью, будто я и не был большим и тяжелым мужчиной. Самое интересное, что мой «Халк» был точной копией своего поверженного собрата. Единственно я, наконец, смог рассмотреть его глаза – желтые и с вертикальным зрачком – точно фрики. Ну кто еще будет таскаться по городу в таких линзах? Гориллоид раскрыл пасть, запахок из нее доложу вам, был тот еще и прошептал мне на ухо что-то типа «гудрон». Что он хотел этим сказать, я не выяснил, так как почувствовал в боку дикий холод. Я ощутил, как что-то острое и твердое проскрежетало по ребрам, разрывая кожу, мышцы и пробираясь внутрь. Боль пришла позже, когда, лежа на полу, я видел убегающих амбалов и красную лужу, медленно растекающуюся по полу.

Никакого «помутнения сознания», «голосов как через ватное одеяло» или любого другого из тысячи штампов, которыми нас пичкают книги и кино. Просто ужасная слабость и единственное, что мешает уснуть на этом мягком удобном полу – дьявольская боль, вгрызающаяся во внутренности при каждом вздохе. Видимо я так сосредоточился на том что бы дышать не глубоко, что совершенно пропустил то, как Шейла бегала за помощью. Откуда-то появились люди с носилками, и кажется пара констеблей. Я не был уверен, т.к. образ одного из них все время искажался и тогда из-под форменного кепи появлялась невообразимая звериная харя. Когда меня перекладывали на носилки, внутри как будто порвались какие-то нити и я, наплевав на все свое донкихотство, заорал во всю мощь легких. Крик вышел так себе, а вот попытка вздохнуть поглубже для нового, заставила комнату закружиться передо мною в жутком выворачивающем душу хороводе, и я наконец-то вырубился.

В карете скорой помощи сознание ко мне ненадолго вернулось. Я помню врача, колдовавшего с какими-то приборами, Шейлу, говорящую по телефону на неизвестном мне языке, а затем на полном ходу задние двери машины распахнулись, и я увидел бескрайнюю равнину под небом цвета запекшейся крови. До самого горизонта она была завалена человеческими телами, разорванными и переломанными. Ни врач, ни Шейла и глазом не моргнули, продолжая заниматься своим делом, как ни в чем не бывало. Отсюда я сделал вполне логичный вывод – у меня глюки. И только я так подумал, как машину на каком-то совершенно не лондонском ухабе подкинуло и меня выбросило в распахнутые двери. С противным чавканьем врезавшись в грудь тел, я несколько раз перекатился, обдираясь о какие-то острые выступы. С омерзением я вскочил на ноги и вдруг сообразил, что, хотя дыра в боку никуда не делась, боли не было и самочувствие уверенно приближалось к отметке «отлично». На этом хорошие новости закончились. Я стоял на холме из трупов. Повсюду, куда хватало взора, открывалась все та же картина ужасающего побоища. Тела лежали в полном беспорядке. Среди них были как мужские, так и женские и даже кажется детские, но я сразу перевел взгляд вдаль, отказываясь всматриваться в детали. И уж тем более я не желал знать, на чем я стою. Вместо этого я попытался найти «скорую». Оглянувшись, я пришел к неутешительному выводу, что кто бы ни режиссировал мои кошмары, современная машина показалась ему деталью излишней. Зато я нашел огромную мрачную гору, пронзающую небеса вдалеке и лес мертвых деревьев, когистыми ветвями разрывающих низкие тучи. Никакого намека на солнце кстати. Неяркому красноватому свету, льющемуся с неба, нисколько не мешают клубящиеся свинцовые облака. В общем

картина удручающая. Я поймал себя на мысли, что, абстрагируясь от ужасного «ковра» рассматриваю окружающее как один из своих набросков.

Собственно, нарисовать подобное мне не пришло бы в голову никогда. На первый взгляд равнина, усыпанная трупами достаточно пошлый и распространенный образ в кинематографии или литературе для изображения Ада. Минуточку, так это Ад?? Удивляясь изобретательности и пошлости своих глюков, я медленно поворачивался, стараясь видеть картину в целом, не останавливаясь на деталях. Багрово-фиолетовое небо, с просвечивающим иногда сквозь несущиеся темные тучи, кровавым оком местного солнца. Деревья, состоящие из костей, жил и обрывков кожи.

Унылый, однообразный пейзаж. Так я думал пока не увидел то, что находилось у меня за спиной. В невообразимой вышине, среди несущихся туч, безо всякой поддержки в воздухе висел циклопический портал. Колонны, барельефы, чем-то неуловимо напоминающие ассирийские, горгульи и скульптуры. Змеей к подножию врат тянется лента каменного моста без опор. Лохмотьями с него свисают клочья кожи и мяса. Ветер колеблет эту бахрому, придавая всей конструкции сходство с гигантской сороконожкой, вечно стремящейся ввысь.

В самом начале моста движется какая-то фигура. Очертания ее мешает разглядеть расстояние, и только тут я понимаю все величие сооружения. Если идущий это человек (хотя, мало ли кто мне мог привидеться), то мост этот длиною в несколько километров, а Врата... Врата превосходили все, что я ранее мог себе представить. Не каждая гора рядом с ними смотрелась бы достойно.

Боль пришла неожиданно. В ноздри ударил невыносимый смрад разлагающихся тел. У меня перехватило дыхание, ноги подкосились, и я упал, едва успев выставить руки. Наконец-то я разглядел, на чем стоял – это был обезображенный труп молодого мужчины с раскроенным черепом и оторванной правой рукой. Глаза его были вырваны, но в остальном он был абсолютно нетронут. С ужасом я смотрел в лицо, которое раньше мог видеть только в зеркале.

Глава 3

Капли дождя барабанят по жестянке. Мерно попискивает какой-то электронный прибор. Далеко-далеко, приглушенно звучат голоса людей. На глазах как будто по мешку с песком и поэтому я вслушиваюсь, пытаюсь понять, где нахожусь. Проснулся (или может правильнее сказать очнулся) я пару минут назад. Слабость, какой не испытывал никогда, явно подсказывает, что как бы мне ни хотелось, но драка и дыра в боку не были частью моего кошмарного сна. Сил нет открыть глаза, пошевелить руками или головой. Впрочем, это и к лучшему – я, должно быть в больнице и видимо накачан зверской долей обезболивающего, а будить неосторожным движением зверя, грызущего мои ребра нет ни малейшего желания.

Звук открывающейся двери и чьи-то тяжелые шаги, останавливающиеся возле моей постели.

– Гэллерам! – вскрик раздается у меня над ухом, со стороны, противоположной той, куда подошел невидимый мне Гэллерам. Только слабость не дает мне подскочить от неожиданности. Видимо Шейла, а голос явно принадлежал ей, сидела возле мой постели, тихая как мышка. Приятно, черт возьми. От радостных мыслей (я, наверное, и подыхая буду думать о чем-нибудь несерьезном) меня отвлек низкий голос, вошедшего человека.

– Шейла, я понимаю твоё волнение, но держи себя в руках, мы не дома.

– Прости, дядя Финн. Я надеялась, что приедет кто-нибудь из Целителей, но не ожидала, что это будешь ты...

Странно, архаичное «целитель» прозвучало у Шейлы вполне естественно и как будто с заглавной буквы.

– Я был рядом. Нет нужды гонять занятых специалистов через все графство. Хотя мне чаще приходится работать с духом, а не плотью, думаю я смогу немного помочь твоему другу. Говоришь он решился защищать тебя с оружием в руках?

– Нуу... В голосе Шейлы явственно послышалось смущение. – В целом да, просто оружием это назвать, наверное, нельзя. Он просто использовал то, что было под рукой. Но он принял удар, предназначенный мне – мы должны...

– Не разбрасывайся долгами, детка. Особенно долгами других. – Мужчина помолчал, а затем тяжело вздохнул, как вздыхает большая собака, глубоко и шумно. – Но я помогу тебе. Выйди в коридор и проследи, что бы мне не помешали. Потребуется минут пятнадцать.

«Для чего?» Попытался спросить я, но язык все еще не слушался. Попискивание аппарата стало чаще, видимо он реагировал на мое волнение. Стукнула дверь, и я остался один в палате с неизвестным мужиком, который собрался в течение пятнадцати минут «помогать» Шейле. И надо что б ему не мешали! И при этом, сложившаяся ситуация кажется идиотской только мне. Что, мать его, происходит?

Уходя, Шейла видимо прикрыла дверь не плотно – откуда-то подул сквозняк. Он забирался под простыню и холодил мне весь бок, залезая даже под повязку, которую я тут же стал ощущать на себе как нечто грубое и не удобное. Издалека, может быть даже с другого этажа, послышалось пение. Ну знаете, то, что все называют грегорианским – мужской хор без аккомпанеента. Заслушавшись, я чуть снова не вздрогнул, когда позабытый мною Гэлле-кто-то там фыркнул и произнес себе под нос (можно было предположить, что он общается с духами, но я решил, что хватит с меня психов на сегодня): «А эту дрянь, ты, где подцепил? Молодежь... И когда вы все успеваете?» Прошуршав, какой-то тканью он вынул что-то звякнувшее металлом. «Раз уж все равно ты спишь, решим все проблемы разом. Пусть девочка порадуетя. А то с нее станется тащить тебя ко мне по каждому поводу. Вся в мать» Вот так бурча под нос, дядя Финн (буду звать его так) взял меня за руку. Судя по всему, дяденька сурьезный – его лапища обхватила мое запястье как карандаш, а я не из заморышей. Довольно ловко он стал

наматывать мне, судя по ощущениям, цепочку от локтя к запястью. Затем он провыл-пролаял какую-то белиберду, руку пронзила острая боль, и я мужественно отключился.

Снилось ли вам когда-нибудь собственное тело со стороны? Лежащее в больничной палате и пульсирующее всеми цветами спектра, от багрового – цвета затухающей магмы, до ослепительно зеленого – цвета солнечного луча проникающего сквозь бутылочный бок. И что б над вами застыл с вытянутыми руками огромный, «викинг», ростом под потолок, с гривой седых волос, столь густых и длинных, что этот двухметровый верзила мог бы кутаться в них как в плащ. Сейчас их развевал незримый ветер, хотя все остальное в палате пребывало в покое. Понимая, что после всего произошедшего глюки у меня могли быть и покруче, я сделал шаг по направлению к постели, желая посмотреть на себя поближе. Но тут старик повернул голову и глянул прямо на меня. В его глазах, огромных и не по-стариковски ясных, смешалась синева северного неба и ослепительная белизна пены прибрежных волн. Нет, они не были банально серыми, просто в глазницах у этого, одетого в лен и шкуры (а у моих кошмаров неплохое знание истории, что и не удивительно) великана вертелись водовороты цвета, не позволявшие разглядеть радужку или зрачок.

– А ну марш на место! Что это ты удумал?..

С детства недолюбиваю самозваных командиров. Поэтому, а также от пьянящего ощущения, что наконец-то нигде не болит, я остался стоять на месте. Сказать, что старикан удивился, это то же самое, что сказать, будто вулканическая лава довольно теплая. Ветер застыл. Именно так – я видел замерзшие струи воздуха, застывший танец пылинок в косом луче и только что развевавшуюся, а теперь весьма угрожающе протянувшуюся через полкомнаты седую гриву почтенного анахронизма. На долю секунды его глаза выпучились, а челюсть дрогнула, как будто собиралась отвиснуть самым банальным образом.

– Вернись на место! – я не сразу сообразил, что слова в этом утробном рыке мне не чудятся, а исходит он стоящего передо мной человека. Но человека ли? Черты его лица заострились и поплыли, челюсти выдвинулись вперед, теряя форму, плечи взбугрились невозможными пластами мышц, а волосы попросту зажили своей жизнью, мотаясь из стороны в сторону. Ветер подхватил меня и повлек к кровати с моим телом (свихнуться можно от таких мыслей). Почему-то я был абсолютно уверен, что если немного напрячься, то смогу противостоять и странному ветру, и этому шаману. В конце концов, это мои глюки и мое безумие, мне и командовать. Но тут, взглянув на свое тело с тянущимися к нему проводками и капельницей, я испугался. А что если я не смогу потом вернуться? Всего на секунду, но этого хватило. Свист ветра в ушах слился с победным ревом за спиной, и меня бросило на кровать к собственному телу. В последнее мгновение перед столкновением Я-на-кровати открыл глаза. Левый искрился синевой зимнего неба, а правый переливался всеми цветами расплавленного золота. То ли я устал удивляться, то ли попросту не успел, но, даже не попытавшись уклониться, я врезался в самого себя. Благословенная темнота накрыла меня с головой.

Капли дождя барабанят по жестянке. Мерно попискивает какой-то электронный прибор. Тишина. Осторожно приоткрыл глаза. Цветные пятна, справа явно светлее. По методу Корвина раз десять открыл-закрыв глаза. Вроде помогло, во всяком случае, очертания предметов я уже вижу отчетливо. Маленькая одноместная палата. Пара стульев, тумбочка, платяной шкаф, стойка с капельницей, какой-то набор экранов и тумблеров в железном кожухе и с проводами, уходящими под простыню. Маленький «кухонный» телевизор под потолком. Ну и, конечно же, кровать с вашим покорным слугой. Рядом с входной дверью дверь поменьше, видимо в туалет. Сразу оформилась главная на данный момент мысль. Так, но я ж у нас вроде «самый тяжело-больной в мире» и вряд ли мне удастся совершить поход к «белому камню» самостоятельно. Звать сиделку с уткой? А если войдет Шейла? Нет-нет, «нахрена нам такая популярность», как говаривал один мой друг детства.

Попробовал пошевелить руками-ногами, сначала аккуратно, а затем и порезвее. Как ни странно, боли не было. Повязка стягивала бок, голова как ватой обложена, и все ощущения слегка смазаны. Видать хорошо обкололи. Ну, была не была. Отсоединив датчики на груди (аппарат мерзко запищал на одной ноте) и, вытащив иглу капельницы, я сел. Даже голова не закружилась. Живем. Не обращая уже внимания на реакции организма, я уверенно последовал за зовом природы. Вернувшись в палату, я обнаружил сразу две вещи. Во-первых, жизнь хороша, а во-вторых, как раз в этот момент на тумбочке зажужжал мой телефон. СМС от Шейлы: «Доброе утро, мой герой! Эскулапы готовы выпустить тебя из своих цепких объятий, но, к сожалению, я пропущу это событие, т.к. совершенно неожиданно должна уехать. Скоро к тебе придут мои кузены, Логан и Сайлас. Они отвезут тебя в одно замечательное место, где ты сможешь не только пожить какое-то время, но и услышать бесчисленное множество невероятных историй. Надеюсь, это послужит небольшим извинением за мое отсутствие. Я очень скоро вернусь и отвечу на твои вопросы. P. S. Пожалуйста делай все что скажет Логан. Целую»

Так, кажется, знакомство с семьей произойдет чуть раньше и не совсем так как задумывалось. Больничная рубашка не тот наряд, в котором я предпочитаю знакомиться с братьями своей девушки. Черт, да я вообще не большой любитель таких знакомств. Не говоря уж о замечательной больничной рубашке.

Откуда только силы взялись. Нырнув в шкафчик, и пребольно ударившись локтем, я вытащил ворох шмотья и начал судорожно одеваться. Так что, когда дверь отворилась, я уже заканчивал зашнуровывать второй ботинок.

Никогда не видел столь мало похожих друг на друга братьев. Единственное, что роднило их друг с другом, это цвет волос – рыжеватый с боков и более темный, вплоть до каштанового у макушки. На этом любое сходство заканчивалось. Вошедший первым носил серый шерстяной костюм, зеленый в разводах жилет, белоснежную рубашку и кожаные туфли ручной работы. Чем-то отдаленно он походил на Рутгера Хауэра. Ростом чуть ниже шести футов, широченные плечи – сложением напоминал дубовый двустворчатый шкаф. Короткая стрижка, ухоженная борода и серые глаза за стеклами очков в тонкой оправе довершали образ дельца из Сити, по ночам разгружающего составы с углем. В одиночку. Второй остался стоять в дверном проеме. Небольшого роста, не более пяти дюймов к пяти футам, с копной кудрявых волос той же рыже-каштановой масти и большими зелеными глазами на округлом лице, он показался мне похожим на Мика Хакнелла в молодости. Клетчатый спортивный сине-зеленый костюм и белые кроссовки довершали картину. Можно было догадаться, что этим двоим редко приходится тусоваться вместе и значит, встретились они только ради знакомства со мной. Все чудесатей и чудесатей.

Как-то странно поведя носом, «Хауэр» шагнул вперед и протянул руку.

– Мистер Спарроу я полагаю?

– Совершенно верно, а вы...

Пожимая протянутую руку, я ощутил дикую боль в ушибленном локте. На секунду голова закружилась, в глазах потемнело. Резкие тени пролегли через всю палату, искажая форму предметов и пали на моего визави. Несколько образов наложились один на другой, скручиваясь и перемешиваясь. В одной точке пространства стоял преуспевающий делец из Сити, человек в мехах со скрещёнными на груди руками, седобородый крепкий старик в длинной рясе, волк и высокий куст с голубыми ягодами и колючками в палец длинной. Куст я разглядел лучше всего, поскольку его ветви торчали во все стороны и меньше всего смешивались с другими фигурами.

– А мы няньки! – прозвучало от двери.

– Сайлас! Мы это уже обсуждали! – Логан (по всей видимости) повернулся к брату и наконец, выпустил мою руку. Все «лишние» образы исчезли, оставив после себя только боль в локте и головокружение. Что бы не упасть мне даже пришлось опереться о спинку кровати.

– Сколько повторять, подождут твои певички! А семья у тебя одна! – видимо этот разговор, братья начали еще на подъезде к больнице. Младший поднял ладонь, признавая поражение, но явно оставаясь при своем.

– Ох, где же мои манеры, мистер Спарроу, простите ради всего святого. Меня зовут Логан, Логан Мак`Фиона. А это, как ни прискорбно, мой кузен Сайлас. – Логан попытался вновь протянуть мне руку, но я сделал вид, что мне нужно срочно присесть. Наркоз явно еще не отошел и глюки явно вызваны им, но чем черт не шутит пока боги спят. Да и локоть все еще побаливает. Но приложился видать башкой знатно, как бы не остаться в этом заведении «на подольше». Только уже в другой палате. С мягкими стенами.

– Мистер Спарроу, вам нехорошо?

– Джек, просто Джек, пожалуйста. – Официоз на фоне начинающейся шизофрении показался мне совершенно излишним. Логан улыбнулся одной из тех улыбок, что не затрагивают глаз.

– Чудесно, тогда уж и вы зовите меня просто Логан – казалось, что он не совсем доволен – итак, Шейла приходится мне троюродной сестрой по материнской линии. Сегодня утром она позвонила и слезно попросила помочь вам с выпиской и обустройством в городе. – Логан снял очки и начал их задумчиво протирать белоснежным носовым платком. – Честно признаться, я без восторга отнесся к этой идее. – Вновь водрузив очки на нос, он примирительно улыбнулся. – Но узнав подробности произошедшего, я не только поспешил сюда, но и пригласил Сайласа помочь...

В ответ на широкий жест в свою сторону, Сайлас закатил глаза и, прислонившись к косяку тяжело вздохнул.

– Я взял на себя смелость уладить все формальности по выписке, так что вот ваша медицинская карта и все необходимые заключения. Все финансовые вопросы так же разрешены.

Повертев в руках тонкую картонную папку, я все же решил попытаться разобраться в происходящем.

– Спасибо конечно большое, но простите, отчего такая спешка? Разве можно выписаться через... – Тут я сообразил, что абсолютно не имею представления о том, сколько прошло времени. Наверное, же и операция была, и наркоз почти сутки мог отходить. – Всего лишь несколько дней.

– Несколько дней? – Логан сделал удивленное лицо. – Вы верно, что-то путаете. Да, у вас был серьезный ушиб и видимо врачи посчитали, что успокоительное не повредит. Поэтому вы спокойно проспали... Одну ночь.

От двери послышался еще один шумный вздох, закончившийся зевком с подвыванием.

– А нельзя все это обсудить в машине? У нас еще...

– Сайлас! – я упустил момент, когда маска «добротного дядюшки» на лице старшего из братьев сменилась выражением холодной ярости. – Будь ЛЮБЕЗЕН и подожди в коридоре. Молча.

Подняв руки как солдат, сдающийся в плен, младший вышел и прикрыл за собой дверь.

– Джек, вы должны извинить его. Он собирался на свидание с девушкой. Очередной. – Логан снова был сама любезность и предупредительность.

– Постойте! – я твердо решил разобраться хоть в чем-то, прежде чем куда-то идти. – Во-первых, если у Сайласа свидание, то простите, почему он не может на него пойти? А во-вторых, каким образом я могу стоять на ногах после того как в меня засунули почти фут железа?! – в подтверждение своих слов я необдуманно хлопнул себя по боку и тут же сжался в ожидании боли. Но ощущения были вполне себе обычными. Не веря себе, я полез под рубашку и отлепил квадрат пластыря с тампоном. Под ним была заживающая царапина в пару дюймов. И все.

Логан с сочувствующей улыбкой смотрел на мои телодвижения.

– Возможно в пылу сражения – он слегка усмехнулся – вам просто показалось, что рана была серьезной. На самом деле лезвие лишь скользнуло по мышцам. И естественно, что никаких дней для выздоровления не потребовалось. Так же как вам не требуется больше оставаться в больнице. – Видимо недоверие слишком явно отразилось на моем лице, и Логан вздохнул. – Ну посмотрите на свою футболку, разве это небольшое пятнышко крови получилось бы от той раны, что вы описываете? – с сочувствующей улыбкой он покачал головой. – Это ни в коей мере не умаляет вашей храбрости. Я полагал, что подобная новость вас только порадует.

– Ну да... – на футболке действительно осталось небольшое, чуть меньше пачки сигарет пятно вокруг разреза.

Я был вынужден согласиться, чтобы не выглядеть идиотом. Правда для этого мне нужно было признать, что идиотом я был раньше и все что я помнил, существовало лишь в воображении. А меня с детства удивляла привычка героев голливудских фильмов легко соглашаться с заявлением «Тебе показалось\привиделось\померещилось». Если нельзя доверять своему разуму, то кому можно? Но «факты упрямая вещь». Погрузившись в эти размышления, я пропустил мимо ушей объяснение Логана почему Сайлас вместо того что бы встречаться со своей девушкой вынужден ехать в больницу к новому знакомому троюродной сестры. Со стороны матери.

– Логан – он обернулся уже в дверях с моим баулом и тубусом – но вы мне так и не сказали где Шейла. – Я обнаружил сумку с ноутбуком задвинутой в платяной шкаф. – Не подумайте плохого, я крайне вам признателен за помощь. – Сумка никак не поддавалась. Застряла что ли? – Но мне несколько неловко утруждать вас... – Я залез в шкаф с головой и, ухватившись обеими руками, дернул сильнее. С тихим треском сумка поддалась. Вся ее задняя сторона была густо пропитана уже подсохшей кровью.

Глава 4

Во многих районах Лондона сложно увидеть небо и вовсе не из-за пресловутой «лондонской погоды». Взгляд все время упирается в здания. Узкие улочки застроены высокими домами. Кое-где нет тротуаров, улица вымощена серо-зеленой плиткой и лишь желтая полоса, и редкие столбики условно разграничивают проезжую и пешеходную часть мостовой. Учитывая то, что Сайлас (а за рулем был именно он) приехал на монструозном внедорожнике аж с тремя рядами кресел и шириной с Темзу, быстрой езды у нас не получалось. Все время приходилось притормаживать и аккуратно протискиваться. Сайлас все больше мрачнел и постоянно бурчал, что по улочкам, рассчитанным когда-то на проезд кареты или двуколки и нужно ездить на лошадях. Это было особенно странно слышать от владельца автомобиля с буквами GMC на радиаторе, хоть и выпущенном в прошлом веке. За автомобилем явно следили, мотор рычал ровно, нигде ничего не стучало и не звякало. Но дизайн не оставлял сомнений – квадратные обводы, по два ряда фар с каждой стороны, все говорило о том, что авто родом из зеленого штата Висконсин, где и прошла вторая половина моего детства. Так что на подобные машины я насмотрелся, но зачастую в куда худшем состоянии. И то, что сидя сзади, не нужно перекрикивать шум мотора, чтобы поговорить с водителем, было приятной неожиданностью. Но на этом явно сегодня заканчивалось все приятное, а вот неожиданности, по-видимому, только начинали свое шествие.

Когда мы вышли в холл больницы, Сайлас, с видом опаздывающего человека неся впереди, за ним спешил Логан, неся в руках мои тубус и баул. Я вынужденно старался не отставать, продолжая прижимать к себе сумку с ноутбуком, скрывая единственное подтверждение твердости своей памяти. Выходило, что у меня есть две равноценные версии вчерашнего (а вчерашнего ли?) дня. В одной из них меня ударили ножом в бок, чему свидетельством моя память и пропитанная кровью как губка в сауне, сумка. В другой же, меня всего лишь оцарапали и тому подтверждением служила даже не сравнительно чистая одежда, но и попросту целая шкура и более чем неплохое самочувствие. Оставалось понять, замешаны ли в этом представители семейства Мак`Фиона и не они ли каким-то чудом провернули фокус с моим скорейшим выздоровлением и экспресс-очисткой одежды. Тут я вспомнил про свой сон или не сон про Шейлу у моей постели и дядю Гэлле-как-то-там. А вот не оно ли это самое и было?

Размышляя, таким образом, и стараясь не отстать от своих проводников, я преодолел два коридора и спустился на три этажа по лестнице. Когда же мы вышли в холл, до меня дошло то, что можно было бы сообразить и раньше. По дороге нам не встретилось ни одного человека. Равно как и в холле. Даже за стойкой регистратора никого. Здание будто вымерло. Братьев же этонисколько не взволновало – все с тем же целеустремленным видом они поспешили к выходу. Я, чтобы не отстать, двинулся за ними, все так же прижимая к груди сумку с ноутбуком и уже на полном серьезе опасаясь увидеть за дверями вымерший город. Тогда все странности объяснялись бы какой-нибудь Сумеречной зоной или чем-то подобным. И, несмотря на все возможные неприятные последствия такого маловероятного события это было бы хоть какое-то разумное объяснение происходящему. Учитывая, ЧТО я только что посчитал разумным, можно было только догадываться о степени моей адекватности на тот момент.

Улочка, на которую мы вышли, однако вернула меня в реальность: я увидел проезжающий автомобиль и нескольких прохожих. В недоумении я оглянулся на уже закрывшиеся за нами стеклянные двери, но не смог разглядеть ничего кроме своего размытого отражения. А вот название больницы, выложенное большими буквами над входом, добавило еще больше вопросов – «Грейт Ормонд стрит – госпиталь для детей». Почему я оказался в детской больнице? И что-то я про нее уже слышал. Да-да, это именно этому заведению Джеймс Барри, «отец» Питера Пена, завещал права на свое произведение, и еще это была первая в Вели-

кобритании больница, лечившая детей. Исключительно детей. Вспомнился другой известный английский писатель – «все страньше и страньше».

На стоянке между двумя каретами скорой помощи втиснулся внедорожник, габаритами мало им уступающий. Логан уже забросил вещи в необъятный багажник и открыл мне дверь. Я уселся на заднее сиденье, и мы осторожно тронулись с места, причем Сайлас явно старался не сыграть в «слона в посудной лавке», что явно раздражало его еще больше. Наконец мы выехали на более широкую улицу и влились в поток спешащих машин.

Братья говорили о чем-то в полголоса и я, впервые перестал прижимать к себе кейс с ноутбуком. Опустив его пониже, я смог рассмотреть внимательно насколько он пропитался кровью. Боясь привлечь внимание, расстегивать я его не стал, но было ощущение, что плотная ткань пропиталась насквозь, словно сумку вымачивали в крови какое-то время. Ну и конечно, количество, необходимое для этого с трудом соотносилось с возможностями моего организма.

Итак, у меня есть «логичная» версия, по которой все странности мне привиделись и вполне вероятно, что не укладывающиеся в нее детали вроде поспешного излечения в детской больнице и превращения кейса в сырой бифштекс имеют свои объяснения. И, несмотря на род своих занятий, а может и благодаря им, я твердо уверен – ничего сверхъестественного не существует. Всему есть логическое объяснение, если дать себе труд подумать, а не хвататься за первую же безумную идею. Да и, в конце концов, почему я не могу спросить об этом у людей, которые мало того, что мне помогают, так еще и являются родственниками девушки, которую я уже мысленно считаю своей?

Едущий перед нами кэб, вдруг резко вильнул в сторону. Сайлас выругался и ударил по тормозам, вывернув руль. Меня бросило на дверцу, и я преобольно ударился локтем. Руку обожгло как огнем и, потирая ее, я вдруг понял то, что осознал бы раньше, не будь так занят собой. Ругательство Сайласа, прозвучавшее абсолютно разборчиво, было единственным звуком в салоне за исключением звука мотора. Братья казалось, позабыв обо мне, кивали, иногда скупно жестикулировали, но я был как за прозрачным стеклом. Ни одного слова. Но при этом, о противоестественном происхождении таксиста я слышал, даже больше чем хотел бы. Резкая боль в руке постепенно затухала, становясь тупой, но пульсирующей. Я попытался прислушаться и вдруг звук мотора превратился в какой-то визг и исчез. Забрав с собой и все остальные звуки большого города. И в этой невозможной тишине я слышал голоса. От их звучания у меня заломило в висках, и заныли зубы, как будто рядом заработал огромный сабвуфер. Но громкими они не были, просто уж очень низкими. И только увидев, что слова совпадают с редкими жестами, сидящих впереди, я сообразил, кто же говорит.

– Ты уверен?

– Почти. Еще пару раз они так перестроятся, и вариантов не останется.

– То есть, только по поворотам какой-то машины ты определил слежку и предлагаешь устроить бойню? Среди бела дня и не где-нибудь – в центре Лондона. Забыл сколько камер вокруг?

Мы видимо поторопились уехать из больницы – наука потеряла редчайший шанс: получить снимок мозга, похожий на слипшийся комок вчерашней овсянки. Ощущал я, во всяком случае, нечто очень похожее. Мало того, что у меня какие-то последствия то ли драки, то ли наркоза еще не прошли, вон со слухом что творится, так за нами гонятся? Почему? Зачем?! Что происходит?!!

– Ты забываешься, братец. – Несмотря на вполне себе простецкий и даже несколько неряшливый внешний вид, а также явно ведомую роль до сих пор, Сайлас как-то естественно взял покровительственный тон. Что удивительно, Логан не выказал ни малейшего раздражения. – Кажется ты все же переобщался со своими адвокатами и политиками. Не играй больше с этими ребятами, а то я пожалуюсь маме.

– Я не прав. Прости. – Логан тяжело вздохнул. – Итак, ты подозреваешь слежку. Но мы возьем *чистого* к Порогу. А значит, мы не можем рисковать и устраивать бой.

– Приводить за собой хвост мы значит можем? Ты совсем засиделся здесь, братец. Теряешь хватку.

– Хорошо. – В голосе Логана наконец послышалось раздражение. – Поведай же мне, о многомудрый, свой план.

– Все просто как мычание. Сейчас мы делаем круг и вернемся к Одеону со стороны Нью Комптон стрит, там как раз с одной стороны тупик, а с другой Финикс парк. Камер нет. Я загоняю машину и оббегаю парк. Ты встречаешь гостей и демонстрируешь им, насколько они попали. Если это обычные наемники, то там они и складываются.

– Погоди, шустрый ты наш, а если это вдруг НЕ обычные наемники? Тогда они «складываются» не захотят и начнут возражать. Активно.

Сайлас издал короткий смешок.

– А для чего я их, по-твоему, обходить буду? Как раз на такой случай. Вдвоем мы их переубедим быстро. Главное не наследить.

– Это для тебя главное?! А *чистый* с нами?? Как мы ему все объясним?

– Логан, ну вот от кого-кого, а от тебя не ожидал. Он же вместе с ними вырубится. А потом ничего не вспомнит. Думаешь, зачем я тяну время и круги наворачиваю? Скажем, что его укачало в машине после отъезда и все. Будь проще, братец. – С явным самодовольством Логан усмехнулся.

Голова у меня закружилась, навалилась дурнота, и тело мгновенно покрылось холодным потом. Живот скрутило, и я порадовался, что не успел позавтракать, иначе знакомство с братьями Шейлы «скрепилось» бы чеком из автомойки. Впрочем, после услышанного, меня как-то существенно меньше волновало, какое впечатление я произвожу. Стараясь отвлечься от слабости и попыток желудка сбежать на волю, я кое-как собрался с мыслями. Сайлас считает, что за нами следят и вместо того, чтобы позвонить в полицию предлагает устроить разборку в каком-то тупике. Логан, возражает против риска, но не возражает, по сути, против подобного метода. При этом меня зовут каким-то «чистым» (спасибо конечно, но не понятно) и полностью уверены, что справятся с любой проблемой. И самое интересное – братья обсуждали все так, будто им или совершенно все равно слышу я их или уверены, что слышать я их не мог. На всякий случай я прикрыл глаза и сделал вид, что меня действительно укачало. Кстати, что там Сайлас говорил о потере памяти? Во что это я влип?

Возможно, на минуту я действительно заснул. Рев клаксона за окном заставил меня подпрыгнуть и подхватить падающий кейс с ноутбуком. Звуки и краски вокруг были вполне обычными. Самочувствие тянуло на четверочку, лишь сырая одежда и ноющий локоть напоминали о недавних болячках. И тут, улыбаясь во все сорок четыре зуба, с переднего сидения ко мне обернулся Логан.

– Я смотрю, вас сморило, Джек. Как вы себя чувствуете? – Фальши в его голосе я не заметил, но после услышанного и не знал, что думать.

– Да вроде все хорошо. – Голос мой скрипел, словно несмазанная дверь. – Может, остановимся где-нибудь перекусить? Заодно у меня к вам накопилось несколько вопросов. – Логан слегка напрягся и взгляд его потяжелел. – О Шейле. – Я был сама невинность. Во всяком случае, мне хотелось в это верить.

– Да, вы же наверняка еще не завтракали. Но у Ниссы замечательная домашняя кухня. – Логан звучно хлопнул себя по лбу. Сайлас дернулся и что-то пробурчал себе под нос. – Я же не рассказал вам, куда мы едем. В Нилс-Ярде есть замечательный маленький пансионат. Вот уже почти сотню лет его содержит одна семья. Судя по тому, что рассказывала о вас Шейла, вам понравится и Нисса и ее гостиница и сам Нилс-Ярд. Собственно, это небольшой мирок для своих и некоторых избранных туристов почти в самом сердце Ковент-Гарден. Один дворик,

окруженный домами и пара узких улочек вокруг, на которые можно попасть всего из двух переулков. – Логан мечтательно закатил глаза и вздохнул. – Какие замечательные попойки у нас там были с местными художниками, а под вечер к нам присоединился местный блюз-бэнд. Как они играли...

– Как она пела, ты хотел сказать? – Сайлас посмотрел на меня в зеркало, усмехаясь. – Их вокалистка, Марисса. Братец был от нее просто без ума.

– Да, у нее был обширный... талант! И не заметить этого мог только такой тугоухий как ты. – Логан снова повернулся ко мне и не заметил, как Сайлас закатил глаза и обрисовал в воздухе перед грудью две весьма впечатляющие окружности. – Наша семья ценит искусство простое, но трогающее душу, так что, если позволите, я тоже хотел бы вас порасспрашивать. – Логан вернул мне невинный взгляд. – О вашей работе.

За всеми этими разговорами, я не заметил, как машина свернула в какой-то проулок, которому немногим уступала шириной. Во всяком случае, открыть двери с обеих сторон было бы невозможно. Проехав так метров пятнадцать, мы вывернули на улочку пошире, которая заканчивалась тупиком. Нас окружали глухие стены домов, и лишь с одной стороны тянулся забор из редких железных прутьев, за которым начинались густые кусты не очень ухоженного парка. Кстати, для Лондона это вполне естественно – небольшие парки и скверы могут быть разбиты в самых неожиданных местах, в том числе и на задворках.

– Логан, это про этот переулок вы говорили? Как-то или ваше описание прихрамывает или этот Нилс Ярд уж очень хорошо прячется. – Я пытался пошутить, но на самом деле настроение было у меня не очень. Была все же трусливая мыслишка, что странный разговор братьев мне приснился, но пока все шло по их сценарию.

– Оу, Джек, простите, я совсем забыл вас предупредить. Помните, я рассказывал, что Сайлас отложил некое свидание? Ну, вот он по дороге решил заскочить и объясниться лично. Как вы понимаете, это один из тех случаев, когда «разговор не телефонный». – Голос Логана звучал совершенно ровно и безмятежно. При этом он даже не повернулся. Мне определенно не нравилось происходящее.

Пока я все это обдумывал, мы развернулись в сторону выезда из тупика и остановились. Сайлас выскочил из салона, чуть ли не раньше, чем заглох мотор и метнулся через улочку к незамеченной мною раньше калитке в парковой ограде. Миг и он уже исчез за кустами.

– Ох уж эти влюбленные. Вечно торопятся. – Хотя Логан и выглядел старше Сайласа, разница между ними была не столь разительной, однако прозвучало достаточно по-стариковски.

– А я, пожалуй, выйду, разомнусь, засиделся немного. – Вслед за этими словами хлопнула вторая дверь, и я остался в машине один. Возможно, сейчас самое время задать странные вопросы, хотя я предпочел бы поговорить с Сайласом – старший из братьев явно изворотливее. Но, за неимением гербовой бумаги пишем на обычной.

За что я люблю большие машины – что бы выйти наружу, человеку моего роста не нужно скрючиваться в три погибели. Открыв дверь, я просто шагнул на тротуар. Накрапывал легкий «слепой» дождик. Для Лондона это совершенно в порядке вещей и даже не считается местными за непогоду. Такой дождь идет пять-семь минут, а затем опять светит солнце. Я поразился чистоте тупичка. В других мегаполисах, Нью-Йорке, Москве или Париже тут стояли бы в лучшем случае мусорные баки, а в худшем в горах отходов рылись бы крысы и спали бомжи. Здесь же был чистый асфальт, с подзатертой, но читающейся дорожной разметкой и это в переулке то. Несколько хилых деревьев в квадратах голой земли. Особенно убого они смотрелись на фоне ограды, за которой буйствовала зелень.

Логан ничуть не боясь испачкать свой дорожный костюм, стоял, прислонившись к радиатору внедорожника. Под капотом что-то пощелкивало, остывая, и я невольно вспомнил как так же неподвижно, прислонившись к камню, стоял Красное Облако. Он был индейцем из племени хо-чанк и моим приятелем. И вот когда необходимо было чего-то ждать, он застыл в

полнейшей неподвижности. Ожидание никогда не тяготило его, он не стремился почесываться, зевать, хрустеть пальцами или заводить бессмысленные разговоры. Он настолько сливался с природой в такие моменты, что мимо него безо всякой опаски пробежали мелкие зверьки, а одна сойка даже села ему на голову. И глядя сейчас на Логана я почувствовал точно такую же безмятежность и готовность ждать сколько угодно. И знаете что? Совершенно глупейшим образом я разозлился. Вокруг происходит черт знает что: на его сестру нападают, мне делают дыру в боку, которой на следующий день как бы и нет, но моя сумка изображает из себя графиню Батори, я то ли вижу всякую невозможную хрень, то ли поехал крышей и меня нужно везти «до божевильного дома», а он стоит с таким видом, будто произрастал здесь последний десяток лет. Как будто никаких забот и тревог попросту не существует. А ведь был еще тот странный разговор в машине, о потере памяти, камерах и преследователях. В общем, плюнув на всяческую дипломатию, я решил перейти в наступление. В конце концов, это же у нас лучшая защита, верно?

Подойдя к Логану и устроившись рядом с ним, благо у этого автомобиля хватило бы места на четверых, я заметил пару камер наружного наблюдения на здании впереди по улице. Правда они были далековато и смотрели явно в другом направлении, но я хотя бы понял с чего начать.

– Логан, а вам не кажется, что это все же не самое удачное место?

– Для чего? – его удивление было столь искренним, что я, было, решил, что ошибся. Ведь весь разговор мог мне пригрезиться. Да и кто бы обсуждал подобное так свободно в присутствии чужого человека. Но откуда-то же я знал, что мы приедем на задворки кинотеатра Одеон. Да и честно признаться, уж очень я разозлился. Все это промелькнуло у меня в голове моментально, и я небрежно продолжил.

– Ну как же? Если мы ожидаем появления гипотетических преследователей, то на камеры они все же попадут. Вон на те. – Я указал на здание перед нами. – Если машина приедет по улице, вдоль которой мы смотрим, то одна из камер снимет и лицо водителя и номера. – Далее мне стоило бы все же сдержаться, но «Остапа понесло» – и если вы собираетесь как-то вырубать и лишать памяти людей, то, во-первых, камеры вы не сотрете, а во-вторых – вы полагаете, что я позволю вам проделать это со мной?

Я мог ожидать любых проявлений удивления, возмущения, недоумения, в конце концов. Всего вместе и каждого по отдельности. Вот чего я точно не мог ожидать, так это оказаться распластанным на асфальте. Прделано это было столь быстро, что я даже не понял каким образом это вышло. По ощущениям, Логан прижимал меня к земле так, что я не только пошевелиться, вздохнуть мог только через силу. Почему по ощущениям? Потому что его ладонь, жесткая и какая-то несоразмерно большая прижимала мою голову щекой к мостовой с такой силой, что челюсти свело. Его пальцы закрывали мне глаза и, поэтому о происходящем, я мог догадываться только на слух. Мою шею согрело частое и шумное дыхание, а затем раздался посапывающий звук, как будто... Да, меня определенно тщательно обнюхивали.

– Какого черта, Логан? А как же цветы, ресторан или хотя бы обещанный завтрак? И потом, мне все же больше нравятся девушки... – прохрипел я. Когда нервничаю, я зачастую несу всякий вздор. Причем это несколько раз спасало мне если не жизнь, то здоровье. Желаящий сделать мне «физическое замечание» оппонент настолько злился и отвлекался, что начинал ругаться вместо того, чтобы ломать мой нос. Я же успевал решить, стоит ли мне сделать ему больно или наоборот – ноги. В общем, в те несколько раз, когда заварушка была серьезна, это прокатывало. А то, что сейчас все очень серьезно сомнений не оставалось – дышать получалось уже через раз.

– Заткнись! – Логану видимо все это тоже давалось не просто, его голос стал низким и хриплым. – Ты вообще кто такой?

С той же ошеломляющей быстротой, не позволившей оглядеться, меня воздело на ноги, и я оказался полулежащим на капоте в позе обыскиваемого копом уличного дилера.

– Эй, офицер, чесслово, она сказала, что ей уже есть восемнадцать, а в пакете сахарная пудра для пончиков. Специально для копов. – продолжая паясничать, я вдруг понял, ЧТО я несу кузену нравящейся мне девушки. Очень нравящейся.

Давление на меня прекратилось так неожиданно, что, съехав по капоту, я оказался в позе гордого льва, т.е. на четвереньках. Повернув голову, я увидел, что пока мы с Логаном занимались борьбой нанайских мальчиков, машина, которую он вероятно и ожидал, подъехала. Это был черный минивэн с раздвижными дверями, откуда как раз выходили люди, одетые во все черное. Нет, никакой общей формы у них не было – черная кожаная куртка соседствовала с пальто и клубным пиджаком. Единственным общим был черный цвет, никаких других оттенков, даже в деталях.

По-хорошему сейчас бы пояснить немного Логану, что бывает, когда распускаешь руки и вообще ведешь себя как последняя задница. Но вот «люди в черном» явно хотят пролезть к окошку раздачи без очереди. И судя по их мрачным лицам, я не успею ни выяснить, что происходит, ни объяснить, что с тем же Логаном я знаком всего пару часов.

К этому моменту из машины выгрузились все пассажиры, и даже водитель. Общим напряженным настроением они напоминали уличную банду, приехавшую на «стрелку». Я быстро пересчитал – семеро. Уныло. Даже если Сайлас успеет на праздник, скорее всего ему отмерят тех же пряников, что и нам. Это в плохих фильмах двое-трое невооруженных людей легко раскидывают толпу, а в жизни вас просто собьют массой и запинаят ногами. Значит нужно встать спиной к стене, а еще лучше в угол и не давать подходить сразу всем. И держаться, пока не появится Сайлас или не приедет полиция – стоит все же понадеяться на те самые камеры, хотя да – мы же специально выбрали место вне зоны их видимости.

От момента, когда Логана укусила какая-то муха, прошло меньше минуты, и желание надавать ему по рукам полностью охватило меня только сейчас. Крайне несвоевременно, но как я уже говорил, в нервной обстановке мой язык не всегда находит соединение с мозгом. И хоть и хочется, как лучше, выходит, как всегда. Это кстати одна из причин моего образа жизни, не требующего постоянного общения с людьми и долгих задержек на одном месте, хоть и далеко не главная.

И вот, переполненный праведным гневом и намереваясь устроить разборку на виду у каких-то непонятных и неприятных личностей, я выпрямился и повернулся к Логану. Здоровья он там или нет, но праздновать труса я не собирался. Уже разворачиваясь, я заметил, как в руках «чернорубашечников» стали появляться ножи, пистолеты и даже пара дробовиков. Кажется, сегодняшнее утро возьмет призовое место по скоростной смене событий. С препятствиями. Но, как я и говорил, язык мой – враг мой.

– Эй, сладкий, полапать меня в переулке стоит дешевле, ты забыл сдачу. – Сжимая кулак, проговорил я, в спину Логану, который словно забыв про меня, шагнул навстречу «семейке Адамс».

В бешенстве он обернулся. Еще секунду я наблюдал его искажившееся лицо, налитые кровью глаза и бешеный оскал. Затем сквозь ткань костюма, кожу лица и волосы, будто рептилия сквозь болотную тину, проступила другая фигура. Одно мгновение это был всего лишь силуэт, тень – тень себя возможного. В следующие два удара сердца тень обрела плоть и объем, возносясь много выше человеческого роста. С почти антропоморфными торсом и руками, на звериных лапах и с волчьей головой. Даже сквозь густую темно-рыжую шерсть видны мускулы, перекачивающиеся как сытые питоны. Где-то глубоко, практически позвоночником, я ощутил то, что многие пытались описать банальнейшей из фраз: «от фигуры веяло первобытной мощью». Но слова «мощь» и «первобытный» были чем-то мелкими и несущественным для описания того сплава воли, ярости и древней уверенности в своем праве, которым тянуло

от колосса. Праве хищника на любую добычу, которую он пожелает взять. На самых границах сознания, заполошным мотыльком, бились обрывки мыслей: «Беги! Спрячься! Скройся! Забейся в любую щель и молись, молись о спасении!»

Хотелось бы рассказать о своей безрассудной храбрости и несгибаемой воле, но сделанное мною, скорее профессиональная привычка художника, желающего запечатлеть главное в образе. Я поднял голову и посмотрел монстру в глаза.

Мое детство прошло в не самых благополучных районах, меня избивали, пару раз резали и один раз даже угрожали пистолетом, предлагая выбрать между пулей и прыжком с моста. Я много раз испытывал страх и, увидев тогда оружие впервые так близко, да еще и направленным на себя, я испугался снова. И прыгнул. Пока холодная и мутная поверхность Фокс Ривер неслась мне навстречу, я испугался гораздо сильнее. Но настоящий ужас я узнал, когда безуспешно пытался выплыть, ощущая, как кончаются силы. Холодная вода сковывала меня все сильнее, руки и ноги попросту отказывались двигаться, легкие разрывались... Я выплыл. И больше месяца не мог спокойно смотреть на текущую воду. И считал, что по прошествии многих лет, я забыл об этом ужасе. Но сейчас ужас вернулся. Ужас лишил меня сил, воли к сопротивлению и даже желания бежать. Он стоял передо мной на мощных изогнутых лапах и смотрел на меня красно-оранжевыми глазами с булавоочной головкой зрачка. Этот пылающий взгляд не был примитивно звериным. За ним читался все тот же разум, но разум испытывающий ярость, голод и, уж не знаю, как я это понял, бесконечное равнодушие к моей дальнейшей судьбе.

Удачно оказавшийся сзади бампер внедорожника не дал мне плюхнуться на асфальт – ноги не держали. Со скоростью, невозможной настолько, что выпадал из поля зрения, фиксируясь хоть как-то лишь во время остановок или поворотов, монстр рванул в сторону людей в черном, которые за это время успели сделать лишь по паре шагов. В десятке ярдов от них он вдруг приостановился и дал себя разглядеть. Мне была видна лишь спина, бугрящаяся чудовищными мускулами, вздыбленная рыжеватая шерсть да жесткий, по-волчьи негнувшийся хвост. Вид этой пушистой и совсем не монстрячьей детали экстерьера настолько не вязался с большим Ужасом, что я как-то внезапно успокоился. Потер побаливающую руку и даже попытался встать.

А вот у ребят с оружием явно наступила «черная полоса» в жизни. Большинство свернулись на мостовой в позе эмбриона и не подавали признаков жизни. Один лежал, подвивая и схватившись за голову. Но быстро затих. А шедший в центре с самой большой и блестящей пушкой, оказался крепким орешком. Уже стоя на коленях, он поднял дрожащими руками свой хромированный «фрейдган» и попытался навести его на оживший ночной кошмар. Монстр сорвался с места, в паре ярдов от меня что-то сильно ударило о стену и все закончилось. Неудавшийся стрелок сползал по стенке, явно потеряв сознание, а неподалеку от меня валялся его пистолет, припорошенный кирпичной крошкой. Свежая выбоина в кладке довершала картину.

– Ты!! – Видимо мое состояние было близким к боксерскому «грогги» – заторможенность, «туннельное зрение», подгибающиеся ноги, иначе чем объяснить то, что Логан стоял в нескольких шагах от меня, и я совершенно не заметил его возвращения. Выглядел он совершенно по-человечески и столь же опрятно, как и в момент нашего знакомства. Первой мыслью было – привиделось. Головой стукнулся. Но голова не болела. Болел локоть. И слишком много странностей на одно несчастное утро. Много необъяснимого и необъясненного. При этом, несмотря на увлечение комиксами и написание графических романов, я естественно не верил никогда во всю эту мистику. Но была одна вещь, в которую я бы поверил еще меньше – в то, что ВСЕ, случившееся со мной сегодня или «имеет разумное объяснение» или, что я «просто» сошел с ума. Художник или писатель, неважно, я должен был видеть мир настоящим, со всеми его красотами и ужасами, даже если я еще вчера не подозревал бы об их существовании. В особенности, если не подозревал. Именно так я однажды ответил отцу, который

считал «мазню» недостойным занятием для мужчины. И получил от него очередную взбучку, что только укрепило меня в осознании правоты. В общем, если я сейчас не пускаю слюни под транквилизаторами в комнате с мягкими стенами, придется признать, что мир намного сложнее, чем представлялся. И в этом «дивном новом мире» даже вооруженная команда отбойщиков может просуществовать лишь несколько мгновений. И значит у меня сейчас только одна задача – не последовать за ними. Внезапное исцеление, кровь на сумке, голоса и видения – для всего этого будет время потом. Главное, чтобы оно было, это потом.

– У тебя есть ровно минута, что б перестать придуриваться! – Начищенные ботинки, отутюженные стрелки на брюках, даже очки на носу – для стороннего наблюдателя Логан выглядел воплощением респектабельности. В то, что он только что превратился в волкоподобного монстра и уложил кучу народа не поверил бы никто. Угрожающий тон, сжатые кулаки. Не желая показывать страха, я встретил его взгляд. Радужка снова была серого цвета, но сосуды вокруг полопались и белки казались налитыми кровью.

– Признавайся, кто ты такой! – На этой фразе все мои благие намерения по спокойному и осторожному прояснению ситуации рухнули как карточный домик. Нервы не выдержали. Оттолкнувшись задницей от капота и придерживая совершенно разболевшуюся руку, на полусогнутых ногах я поковылял навстречу разъяренному Логану.

– Кто я такой?! В Бога, в душу, в мать и во всех апостолов!! С самого утра ты рассказываешь мне небылицы, устраиваешь разборки посреди города, превращаешься, да будь я проклят, *оборачиваешься* в огромную дурмашину, при виде которой у меня чуть «медвежья болезнь» не началась и это ты спрашиваешь кто я такой?? Нет, ты парень конечно здоровый, но как хочешь – сначала ты объяснишься сам!

Несколько раз я был нещадно бит на школьном дворе, когда отказывался отступить или отдать карманные деньги Билли Сандерсу или Бадю Мейсону, хулиганам из старших классов. Когда же я возвращался домой с подбитым глазом и с порванной рубашкой, отец-морпех реагировал совсем не так как показывает Голливуд. Он не клал мне руку на плечо, приговаривая: «Молодец, сынок». Нет, сэр, он «выбивал из меня дурь» за глупость и порчу вещей. А после, выпив дешевого пива, он читал мне длинные нотации об ограниченности и упертости русских вообще и моей матери в частности. Все, что мой отец считал глупым или неправильным, по его мнению, было во мне «от матери». Она умерла, когда мне было девять лет, и я уже не очень хорошо ее помнил. Несмотря на повторяющиеся нравоучения и нередкие побои, а может и благодаря им я так и не научился вовремя закрывать рот.

– Что за шум, а драки нет? – Судя по всему, Сайлас только что спас меня от хорошей трепки. Или от чего похуже. Он вылез из парковых кустов, на ходу натягивая футболку. Шнурок на левой ноге был развязан и тянулся вслед за ним по траве. Разглядев мизансцену с валяющимися телами, разъяренным Логаном и возмущенным мной, Сайлас рывком одернул футболку и начал обходить меня, стараясь, что бы я оказался между ним и братом. Кажется, со спасением я несколько поторопился.

– Какого хрена происходит? Логан?.. – Все это Сайлас проговорил, не сводя с меня глаз и двигаясь боком по дуге. Даже если бы я не видел, на что только что способен его брат, этот голодно-сосредоточенный взгляд и текучая плавность шага пугали сами по себе. При том, что никак не вязались с небольшим ростом, бронзовыми кудрями и схожестью с молодым Миком Хакнеллом.

– Да вашу ж налево, это моя реплика!! Что, мать его растак, происходит здесь и вообще? Кто эти люди? Кто такие вы? Где Шейла и... – в мою несчастную стукнутую головушку, наконец, постучался самый логичный из вопросов – кто тогда она сама, если ее родственники?.. – я схватился за голову и сел на асфальт – Стоп! Тайм аут! Сейчас я сам начну кусаться, а кусаться нехорошо, тебя или в «дурку» примут или что хуже вот с этими ходячими «меховыми ковриками» спугают и отстреливать начнут. А это, наверно, больно.

Со стороны все это конечно выглядело более чем странно. Сидит себе немаленький лысый парень на земле и мало того, что сам с собой разговаривает, так и несет ведь полную ахинею. Но каждый раз (а хвала всем богам, такие случаи можно было пересчитать по пальцам одной руки) когда я готов был сорваться с катушек, подобная беседа с самим собой меня неизменно успокаивала. Правда, понимания у общества такое поведение не вызывало. И потому, успокоившись и подняв взгляд на братьев, я с большим удивлением увидел, что они следят за моим выступлением спокойно и чуть ли не одобрительно. Хотя стояли они по-прежнему так, что б перекрыть мне пути возможного бегства. Или так что б напасть, не мешая друг другу. Хищники. Загонщики и засада.

– Давайте по порядку. Логан, скажи, с какого перепуга ты напал на меня? – я решил, что первым делом хорошо бы выжить в текущей ситуации. А разбираться с происхождением видов и собственной шизофренией можно и потом. Если какое-нибудь потом конечно будет.

Сайлас в удивлении посмотрел на брата, тот нахмурился и несколько неуверенным движением одернул безупречно сидящий пиджак, но тут же взял себя в руки. Перед нами снова был преуспевающий делец из Сити.

– Джек, или как там тебя, ты не в том положении, чтобы спрашивать.

– Что значит или как там тебя?! – я вскочил на ноги, Сайлас напрягся и сделал шаг ко мне.

Между тем, Логан, не обращая внимания на мои выкрики, продолжал.

– Вот как мы поступим. Сейчас ты ответишь на несколько моих вопросов. Ответишь быстро и честно. Затем мы уедем отсюда, пока не приехала полиция или пока не очнулись эти – он небрежно указал себе за спину – В зависимости от твоих ответов мы либо распрощаемся на ближайшем перекрестке, и ты первым же рейсом покинешь Лондон либо я решу, что должен тебе завтрак. – Здесь Логан слегка улыбнулся, но, как и тогда в палате, его улыбка не затронула глаз. – И за завтраком я, возможно, отвечу на некоторые твои вопросы. Возможно.

– Не пойми меня неправильно, но я не очень люблю, когда на меня давят – что будет, если я откажусь отвечать или, допустим, совру?

Логан вздохнул, а где-то у меня за спиной хрустнул гравием Сайлас.

– Тогда мы уедем, а ты останешься. И мы с большой грустью расскажем Шейле, что один из этих горе-наемников таки успел выстрелить. Один раз. Вон из того пистолета.

«Так, выжить в ближайшие полчаса» сам себе напомнил я. Как говорится «предчувствия его не обманули».

– Идею понял, спрашивай. – Очень надеюсь, что мой голос не выдавал страха, которого за сегодня было испытано уже предостаточно, и который начинал мне порядком надоедать.

– Вопрос первый – что ты такое?

Глава 5

Я попросту опешил.

– Сильно. Вот прямо так, даже не кто, а что. И да-да, я помню, вопросы здесь задаешь ты и все такое, но я только что или имел самый яркий приход или ты все же долбаный, оборотень, мутант или кто там еще. Но если ты меня будешь убеждать, что я псих, я нагажу тебе на голову и улечу в закат на попутном розовом драконе. – Все-таки истерика далеко не уходила. Она поглядывала из-за угла в надежде, что я одумаюсь и упаду в ее жаркие объятия. Но я пока держался.

Логан сощурившись, посмотрел на неяркое лондонское солнце. Складывалось ощущение, что он пытается успокоиться. Возможно, даже считает про себя. До десяти.

– Нет, ты не псих. Что видел, то видел. Можешь рассказывать об этом кому угодно – меня это не волнует, а санитары еще и не такое слушали. Но объясни мне, каким образом ты умудрился слышать наш с Сайласом разговор, если человеческое ухо не способно уловить настолько тихий звук. – Сзади Сайлас удивленно охнул. – Я не очень разбираюсь в современной науке, но вы, кажется, зовете его инфразвуком. А также посмотри – он сделал широкий жест в сторону сжавшихся в беспомощности людей. Во всяком случае, я надеялся, что они просто без сознания. – Вот обычная реакция обычных людей. – Интонацией он выделил слово «обычных». – Иногда попадаются особо волевые экземпляры, но и тут результат вполне ожидаем. – Логан указал на сползшего по стене любителя «больших стволов». Что ж, без, по-настоящему упорного характера не стать лидером наемников или кто там были эти люди. Я понимал, что они сюда приехали не о погоде поговорить, но под грузом обрушившихся на меня впечатлений, смотрел я на тела почти безразлично.

– Кто это вообще? Они живы?

– Сейчас не важно. Да, живы и скоро начнут приходить в себя, так что времени у нас мало. Но вернемся к тебе – ты слышишь то, что не должен был слышать, выдержишь то, что выдерживать не должен и при этом не пахнешь ни Врагом (он явно произнес это со значением) ни Джентри. Ты не Одержимый, не Подкидыш и не Человек Веры. Человек Наследий мог бы продемонстрировать то же, что и ты и даже больше, но он не смог бы скрывать это от меня.

Ум зашел за разум да там и остался. Истерика с надеждой помахала рукой, мол: «Вот она я, рядом»

– Наследий? – только и выдавил я.

– Маг. – Отмахнулся от меня Логан. Он уже просто рассуждал вслух.

– Сейчас день, отмечаем Упырей и их Слуг, уж кем ты точно не пахнешь, так это ими. Ты мог бы быть нашим дальним родичем, *кинфолком* и это объяснило бы возможно твою устойчивость. – Остро взглянувший на меня, старший Мак`Фиона в этот момент был особенно похож на Рудгера Хауэра. – Но все равно остается твой нечеловеческий слух и наконец, то, что *кинфолка* в тебе учуяли бы намного раньше. Ты не он. Кто ты?

Я оглянулся. В нескольких ярдах от меня стоял Сайлас. Его поза не была ни угрожающей, ни напряженной. Но вот эта расслабленность и некая пустая безмятежность во взгляде каким-то образом дали мне понять, что он внимательно слушает и готов реагировать на любой мой ответ или действие. Во рту у меня пересохло. Судорожно сглотнув, я повернулся к Логану и развел руками.

– Очень трудно найти черную кошку в темной комнате. Особенно если ее там нет. Я не знаю, как объяснить все это. Клянусь, что все, что я рассказывал Шейле о себе, правда. Я приехал в Лондон, я увидел Шейлу на вокзале, я увидел, как ее уводят. Я побежал за ней, вмешался в какую-то разборку и получил удар ножом.

Стараясь не делать резких движений, я шагнул к машине. Братья синхронно сдвинулись, что б продолжать наблюдать за мной.

– Ты утверждаешь, что это была просто царапина и действительно, рана не могла зажить так быстро, да и на одежде почти нет следов, но что ты скажешь об этом? – я вытащил сумку для ноутбука из машины и повернул ее так, что б хорошо было видно, насколько она пропитана уже подсохшей кровью. Логан поморщился.

– Что-то ты совсем теряешь хватку, братец. – Сайлас задумчиво посмотрел на него. – Большой город плохо влияет?

Логан раздраженно отмахнулся.

– А чего ты хотел?! Посреди ночи звонит эта заноза и сообщает, что ее дражайшего «рыцаря» уже обработал кто-то из целителей. Уже, понимаешь? Т.е. лети со всех лап через весь Лондон, срочно подчищай хвосты за каким-то недоучкой. А я даже не знаю, кого поблагодарить – имя она не назвала.

– Гэллеран или Гэллерат, точно не помню, Шейла еще назвала его дядя Финн. – Я сказал и сразу же пожалел об этом. Свинство это, сдавать того, кто тебе помог. Выходит, ночью, действительно приходил какой-то кудесник, который вот так, за здорово живешь, залатал мне дыру в животе. Вы как хотите, а это точно причисляет его к хорошим парням. Надо будет хоть спасибо ему сказать.

Я положил изгвазданную сумку в машину, постаравшись не запачкать обивку, и повернулся к братьям. Они оба стояли, совершенно забыв о своей вальяжной расслабленности, глаза как площадки, а рты раскрыты. Я даже оглянулся, чтобы убедиться, что позади меня не начал свое выступление женский студенческий оркестр. Топлесс. Но, как и раньше, за исключением пары котов, спящих на солнце и обрывков бумаги, переносимых ветерком, проулок был пуст.

– Гэллерам? – более старший и опытный, Логан совладал с собою первым. – Ты уверен?

– Я же сказал, точно не помню, но да, похоже именно так.

– Как он выглядел?

– Я не ви... – рука от локтя вдруг начала чесаться и зудеть, и я неожиданно вспомнил свой сон или галлюцинацию про престарелого хиппи-тяжелоатлета. Потирая руку и не успев очередной раз подумать о том, что молчание – золото, я пробормотал:

– Здоровый старик, с длиннющей гривой и в костюме со съемок «Викингов».

Если до этих слов кузены выглядели удивленными, то теперь им гораздо больше подходило слово испуганные. Сайлас сделал шаг назад, а Логан судорожно сунул руку в карман пиджака. Вряд ли там могло поместиться оружие, но движение было очень похожим. Учтывая, что судя по всему, милейшие братцы Мак`Фиона сами являлись ночными кошмарами, то что могло напугать их?

Я задрал рукав куртки, благо молния на рукаве позволяет, что бы найти причину порядком доставшего меня зуда и уставился на бледнеющие, на глазах знаки на коже. Показавшиеся мне одинаковыми в первый момент, они плотной спиралью обвивали руку. Угловатые и изогнутые, багровые у локтя и еле заметно-розовые у запястья, более всего эти знаки походили на след от туго намотанной цепочки из ассиметричных звеньев. Цепочка... Я вспомнил позвякивание и прикосновение металла к коже ночью в палате.

Твердая как доска ладонь ухватила мое запястье и Логан, словно слабовидящий, потерявший очки, практически уткнулся лицом мне в руку. Судя по предыдущему опыту, он не столько рассматривал следы, выцветающие на глазах, сколько принюхивался. Через несколько секунд кожа вновь стала гладкой, как и задумывал Господь, а Логан отпустил мою руку и с каким-то озадаченно-задумчивым видом оглянулся на брата. Тот же несколько задумчиво посматривал в сторону начавших шевелиться нападавших.

– Пора уезжать, если ты все еще хочешь оставить их в живых. Впрочем, они были только приманкой.

– Что ты имеешь в виду? – Логан видимо окончательно пришел в себя и даже снова слегка улыбнулся. Стоит запомнить и никогда не садиться с ним за покерный стол.

– Потом расскажу. – Сайлас искоса взглянул на меня и снова повернулся к брату. – Все, нет времени, сваливаем. Что ты решил, куда едем?

Логан с силой потер глаза.

– Сейчас в Хоксмур. За завтраком все и решим.

Самая здравая мысль за сегодняшнее утро. Если не единственная.

По всей видимости, внедорожники не очень уютно чувствуют себя в узких улочках Ковент-Гардена и Кларкенуэлла. Далеко не везде есть возможность развернуться, если выяснится, что ты проехал мимо ближайшей парковки или места назначения. Что бы не кружить попусту, Логан давал указания Сайласу на каком повороте свернуть, ведя нас пусть и не прямой, но, явно наиболее удобной дорогой. Пробок мы, во всяком случае, избежали. Братья были заняты выбором маршрута, а я смог немного разложить мысли по полкам.

Итак, я познакомился с девушкой и совершенно потерял голову. Поездка в Лондон, конечно, не была для меня чем-то из ряда вон, я редко жил на одном месте дольше пары-тройки месяцев, но в планы не входила. По приезду я встречаю в драку и получаю удар ножом. Который вполне мог оказаться и смертельным. А дальше весело: набор галлюцинаций, некоторые оказываются вполне реальными и излечивают ножевую рану за одну ночь. Про такую мелочь как пятна с одежды и говорить нечего. Приезжают братья Мак`Фиона, кузены Шейлы, а знакомиться с семьей девушки, с которой и виделся, если можно так выразиться, всего пару раз, в мои планы уж совсем не входило. И в довершение всего – за ними охотятся, какие-то вооруженные люди, а если вам и этого мало, то сами братья – оборотни. Уж Логан точно. Оборотни! Живые! Посреди Лондона! И я с ними еду в стейк-хаус! Так, спокойно, дышим. Искоса я посмотрел на братьев – обычные люди. Логан в наладоннике то ли проверяет наличие пробок в дороге, то ли заказывает столик в ресторане. Сайлас ведет машину, время от времени вяло ругая водителей, двигающихся, по его мнению, «как улитки беременные». Все вполне обыденно. Но что-то мне не хочется больше ни «удивительных историй» ни «волшебных уголков». Одно дело рисовать оборотней, вампиров и всякую нечисть. Другое дело обнаружить их рядом с собой. В сочетании с кучей вооруженных парней, непонятными уродливыми громилками и сумкой пропитанной кровью. Моей кровью. Нет, все это конечно здорово – и Шейла прекрасная девушка (какие глаза, а улыбка... так держим себя в руках) и «сказки оживают на глазах», но только я вот, в отличие от восторженных фанатов комиксов, разбираюсь в сказках. Я знаю, какими они были изначально. Если взять, например, оригинальный сборник братьев Гримм, вполне может оказаться, что современная цензура не рекомендует его читать детям до четырнадцати лет, а может и до шестнадцати. Убийства, насилие, каннибализм, расчлененка и прочие «сказочные» прелести. В общем, обо всем этом можно почитать дома у камина, пощекотать нервы после рабочего дня, но никак не оказаться посреди сюжета об ужасе лесной чащи, глазах, горящих во тьме и шагах за спиной. Нет-нет, при первой же возможности надо будет распрощаться с замечательным семейством Мак`Фиона и скорее всего с Туманным Альбионом в целом. Вряд ли они станут меня разыскивать. А Шейла... С самого нашего знакомства меня не покидало ощущение, что она слишком хороша для такого парня как я. Боюсь, я так и не узнаю, что она нашла во мне и нашла ли хоть что-нибудь. Возможно, сбегая, я упускаю лучший шанс в своей жизни, но гораздо более вероятно, что я спасаю себе эту самую жизнь или как минимум рассудок. Хотя, как я смогу и дальше рисовать истории о сверхъестественных существах, зная, что они реальны – не представляю.

За всеми этими невеселыми мыслями я не заметил, как мы доехали до паркинга. Наблюдая за тем, как Сайлас ставил машину, пока Логан оплачивал стоянку в паркомате, меня не покидало ощущение нереальности всех этих обыденных действий. Словно три приятеля встретились погожим деньком и сейчас отправляются пропустить по паре пинт пива под хороший

стейк. Как будто и не было никакой чертовщины, угрозы убийства и охотящихся за ними вооруженных людей. Словно это часть рутины. Проснулся, позавтракал, превратился в ночной кошмар, вырубил десяток-другой головорезов и все, перерыв на ланч. Просто мороз по коже продирает, от осознания того, что рядом существует мир, в котором вооруженные банды – это мелочь, не стоящая внимания, а кошмары, сказками о которых сотни лет пугали детей, являются повседневной реальностью.

Мы прошли пару кварталов по Шелтон-стрит и вдруг свернули в узкий проулок. С одной стороны, шла глухая стена без окон, а дом на противоположной стороне закрывали леса и мелкая темно-синяя сетка, предохраняющая от падения строительного мусора. И без того узкий, так что наш джип с трудом протиснулся бы здесь, проулок казался темным и мрачным. Взвинченный событиями дня, я было хотел предложить пойти другой дорогой, но оказалось, что мы уже пришли. Широкие, как в грузовом лифте двери открылись в огромное, размером с пару баскетбольных полей помещение. Паркетный пол, кирпичные стены и такой же сводчатый потолок. Несколько рядов круглых колонн поддерживают длинные панели, из которых вверх бьет желтый свет и отражаясь от потолка создает ощущение легкого полумрака. Стулья и низкие кресла из дерева, оббитые черной кожей. Множество столов и столиков, квадратные у стен и круглые по центру зала. Время неурочное и поэтому занята, дай бог треть. Я ожидал, что мы сядем в темном углу, чтобы, как пишут в шпионских романах «видеть все входы и выходы», но Логан повел нас в самый центр зала. Мы расселись вокруг небольшого столика возле колонны.

Забыв на секунду, что решил сбежать при первой же возможности, я приготовился высипать пару десятков вопросов. Но стоило мне открыть рот, как Логан поднял палец.

– Сначала поедим. Еда священна, не стоит портить ее спорами и переживаниями.

Я хотел было возразить, что его стараниями, переживаний мне на долгое время хватит, но подошел официант. Время было уже за полдень, и хоть я и не завтракал, но кусок в горло не лез. Однако неизвестно, ни когда удастся перекусить в следующий раз, ни что вообще будет дальше. Поэтому я все же заказал яичницу с ветчиной, пару тостов и кофе. Братья же заказали по стейку экстра-рейр, т.е. совершенно сырому и при этом показали себя настоящими знатоками, выясняя какие части туши шеф сегодня рекомендует выбрать. В общем, волки любят мясо и разбираются в его качестве. Ничего удивительного.

Не знаю, что я ожидал увидеть, когда принесли заказанное, но при виде и запахе крови никто из братьев не повел себя согласно голливудскому канону. Т.е. они еще и пользовались ножом и вилок. Это в ресторане-то. В общем одни разочарования. Так бы и дальше.

Логан ел не спеша, размеренно, явно смакуя каждый кусок. Сайлас же расправлялся со своим стейком, хоть и аккуратно, но торопливо. Как очень голодный или очень занятой человек, которому не терпится вернуться к любимому делу. Якобы небрежно он постоянно оглядывал помещение. Парочка, собравшаяся занять место неподалеку от нас, под его тяжелым взглядом передумала и заняла столик в другом конце зала. Дожевывая последний кусок, Сайлас еще раз, уже не скрываясь, огляделся и кивнул Логану, который, казалось, не замечал ничего кроме своей тарелки.

– Итак, перед нами два пути. – Логан начал разговор безо всякого вступления, подбирая хлебом кровь с тарелки, как подливку. Меня слегка передернуло.

– Один из них, самый простой на первый взгляд, убить тебя. – Он положил хлеб в рот и откинулся в кресле. По лицу старшего из братьев как всегда сложно было что-то прочесть, но он явно наблюдал за моей реакцией. Я попытался ответить таким же невозмутимым взглядом и не выдать охватившего меня смутения. Ничего себе простота! Кивнув каким-то своим мыслям, Логан продолжил.

– Но мне этот путь не нравится. Несмотря на то, что ты видел, это не наш путь. Мы не убиваем направо и налево. Мы не убиваем невинных. И мы не убиваем друзей. В этом нет чести и в этом нет славы. Духи предков сурово наказывают преступающих этот закон. – Тут он

улыбнулся, развеяв образ сумасшедшего сектанта – Да и Шейла быстро дознается о том, куда ты делился и мне придется искать нору поглубже и потемнее.

Сайлас, продолжая оглядывать полупустой зал, кивнул и что-то одобрительно проворчал.

– Второй путь таков: мы отвозим сейчас тебя на вокзал, покупаем билет первого класса в любой пункт назначения, и ты уезжаешь. Никогда не возвращаешься, никогда не вспоминаешь о том, что здесь было и просто живешь своей жизнью. Согласись, это самый лучший выход.

От удивления я дернул рукой и слегка разлил кофе. Пришлось совершить несколько судорожных манипуляций с салфеткой. Таким образом, на несколько секунд я отвлекся от разговора. И мало того, что это дало мне время собраться с мыслями – подняв глаза, я заметил, что, хотя Сайлас, как и в начале беседы смотрит куда-то в сторону, расслабленное созерцание он теперь только изображает. Такое напряжение я видел только у кота перед броском. То, что смотрел Сайлас в пустой угол и то с каким дружелюбием Логан ждал моего ответа, только укрепило мои подозрения. Что я там помню о волках? Кажется, они никогда не охотятся возле логова и часть стаи гонит дичь туда, где в засаде уже поджидают самые сильные во главе с вожаком.

– Так, я тебя услышал. И скажи мне вот что, как это ты, только что, рассматривая вариант меня убить, тут же предлагаешь меня отпустить? Я же потом могу рассказывать направо и налево то, что вы по идее должны скрывать. Ты этого не боишься? – я старательно делал вид, что меня волнует только собственная шкура, но я просто не хочу спрашивать об этом напрямую.

Логан покровительственно улыбнулся.

– Кому рассказывать? Да и что? То, что художник, рисующий комиксы об оборотнях, видел этих самых оборотней посреди бела дня в центре огромного города? При том, что ни жертв, ни свидетельств, ни даже записей на камерах нет. Так что отвечаю на твой вопрос – нет, не боюсь. Можешь смело уезжать и считать, что тебе все приснилось. – С довольной улыбкой Логан откинулся в кресле.

Старательно изображая тяжелые раздумья, я действительно заколебался. Может и ну его это все к дьяволу? Что проще, сесть на поезд и уехать. За пару дней меня могли зарезать, пристрелить и как выясняется еще и просто разорвать. Таких развлечений не было даже в том году, когда я по глупости, пытаюсь доказать что-то то ли себе, то ли отцу, записавшись в корпус морской пехоты, попал в Ирак, на первую же базу «Кэмп Альфа». А ведь даже той командировки мне хватило с лихвой. Но что если все это ловушка? Просто способ убрать меня подальше и там без помех меня «потерять». И никто уже даже не попытается связать мое исчезновение ни с Лондоном, ни с двумя столь непохожими братьями. Особенно если они позаботятся о надлежащем алиби. Логан же производит впечатление того, у кого все уже подготовлено на подобный случай. Заранее. А Шейле они все подадут так, что раз я сам сбежал, то явно недостойн ее внимания. Шейла... Я вдруг понял, что пытаюсь сам себе придумать причину, которая не позволяет мне уехать. Я не хочу уезжать вот так. Да, мы только познакомились и отношения, даже дружеские, попросту не успели начаться. Вроде бы меня ничто не держит кроме вспышки влюбленности. А мы ведь взрослые люди, мы же понимаем, что без какой-то подпитки яркий костер горит не долго. Огонь прогорит, и останутся угли, подернутые серым пеплом. Какое-то время они еще будут тлеть, затем угаснут и они. Останется кострище. Холодное. Пустое.

Безрадостная перспектива. Да и мысль о том, что такая девушка как Шейла разочаруется в «своем герое» (дьявол, а ведь она так меня и назвала!) почему-то была мне невыносима. И, в конце концов, я попросту задолбался бегать. Работа под псевдонимом и совершенно законно купленное аргентинское гражданство, пока позволяли путешествовать по Европе, скрываясь от отца, американского правительства и пары-тройки очень нехороших людей, оказавшихся членами доминиканского картеля. Если добавить к этому списку хоть кого-то еще в принципе, то, даже не говоря о том, что это потусторонние кошмары, рано или поздно я все же добегаюсь.

И скорее рано. Все же я далеко не Джеймс Бонд. И уж точно не Джек Воробей. Простите, капитан Джек Воробей.

А что если рискнуть? Вот взять и впервые за несколько лет просто «пойти за солнцем». Опасно? Как и вообще жизнь, в особенности моя. Зато не скучно. Совсем. И надо быть честным хотя бы с собой, перестать думать о Шейле я попросту не могу. Да, это какой-то подростковый бред, я ее не знаю, мы практически не общались и ее семья, видимо, кошмар рода человеческого, но все это перестает быть существенным при одном только воспоминании о ее улыбке.

Я вдруг понял, что уже некоторое время пялюсь в никуда, вцепившись в столешницу так, что заболели пальцы, а улыбка Логана становится все более принужденной. Ну, значит пришло время принимать решение и открывать карты.

– Логан, я тут подумал, а скажи, ты серьезно считаешь меня такой дешевкой, что сначала банально запугиваешь, а затем благородно предлагаешь бежать, роняя шляпу, к самой темной дыре, забиться туда и там до скончания дней видимо обливаться благодарными слезами? Нет, мне действительно интересно, что я такого сделал за время нашего столь «длительного» знакомства, чтобы заслужить столь лестное мнение.

Я попытался взять чашку, но вовремя одумался. Руки дрожали, сердце колотилось где-то в горле и от смеси страха и наконец, выпущенного бешенства, которому нашлась цель, адреналин только что не выплескивался из ушей.

Опешивший Логан попытался что-то сказать, но меня уже понесло.

– Ты решил сделать такой вывод от большого ума или просто потому, что двухметровая клыкастая хрень особо не задумывается о возможности получить в морду? – начав относительно спокойно, я стал заводиться и хоть понимал, что играю с огнем, ничего уже не мог поделаться. – Можешь взять свой «самый лучший выход», свернуть трубочкой и засунуть себе... под хвост!

Несколько секунд я наслаждался видом Логана, сидящего с выпученными глазами и отвисшей челюстью. Но затем его лицо окаменело, взгляд потяжелел, и он повел плечами так, будто пиджак стал ему жать. Однако прежде чем я смог точно выяснить насколько перегнул палку, ситуацию разрядил совершенно неожиданный звук. Я не сразу сообразил, что это смеется Сайлас. Вернее сказать, ржет. И хохотал он долго, со всхлипываниями, закрывая лицо руками и вытирая слезы.

– Как он тебя, братец? – немного успокоившись, но, все еще улыбаясь во все сорок четыре зуба, Сайлас обратился к насупившемуся Логану.

– И поделом же. Я ведь говорил тебе и про то, что он не согласится и про то, что наша сестричка не стала бы общаться абы с кем. У нее чутье, да и характер такой, что не всякому по зубам. Но ты же возомнил себя единственным кто разбирается в человеческой натуре. Вот и промахнулся. Никто не всезнающ и Хранители ничем не отличаются от других. И хорошо бы вы крепко помнили об этом, а не забивали себе уши мусором. – Логан дернулся как от удара, но смолчал, опустив голову. Странно было наблюдать, как младший отчитывает старшего, но видимо в прошлом у этих двоих было нечто, заставляющее Логана если не признать правоту брата, то хотя бы оставить ему право на нравоучения.

– Извини. – Логан произнес это глядя в пол, но потом, словно одернув себя, поднял взгляд и посмотрел на меня со смесью вызова и смущения. – Я был не прав.

– Я тоже должен извиниться, я мог сказать все это и вежливее. – Успокоившись, я сообразил, что для здоровья полезно чистить зубы, правильно питаться и не ссориться с ожившими ночными кошмарами. Кто сказал, что я не рассудителен?

– Ну, если, вы девочки, закончили с объятьями и расшаркиваниями – голос Сайласа был полон ехидства, но глаза его смеялись – позвольте теперь простому парню немного просветить тонко чувствующие натуры. Ехать никуда не нужно. Совсем. Это плохая идея. Даже если не считать, что Гэлл... дядя Финн никогда ничего не сделает зря и хоть он не оставил

пока никаких указаний, все же отпускать на все четыре стороны человека с руниром до локтя несколько... безрассудно. А может даже и не безопасно. – Я дернулся и Сайлас успокаивающе поднял руки – Хотя если б это было серьезно, он точно нас предупредил бы. Но все же лучше узнать у него все в точности. Но и это не главное.

Сайлас повернулся к Логану, который с задумчивым видом ковырял вилкой столешницу.

– Скажи-ка, братец, ты ничего странного не заметил в тех придурках, что ездили за нами сегодня?

– Да нет. Шпана как шпана. Можно подумать за нами другие ездят. – Логан недоуменно поднял брови и дернул рукой. Вилка согнулась.

– Именно, что ездят. – Сайлас отобрал у брата пострадавшую вилку и одним движением выпрямил ее. – Припомни, когда еще такие босяки лезли на рожон? Обычно, когда пытаются наехать, то посылают или более обученных, или хотя бы побольше десятка. А тут школьная самодеятельность какая-то. Слабоумие и отвага. – Логан задумчиво покивал.

– Но что еще интереснее, когда я побежал обходить их, то почуял еще кое кого. Кто-то наблюдал за нами с крыши дома за парком. Причем он не только хорошо прятался, но и смог почувствовать меня. Вовремя почувствовать и уйти. – Сайлас поморщился. – А еще он ушел так, что я не смог взять след. Единственное что мне удалось найти на крыше так это один отпечаток ноги на ржавчине, размер шестой не больше.

Логан обеспокоенно огляделся.

– Думаешь, он видел лишнее? Может, стоит поискать там ночью вдвоем?

Сайлас задумчиво повертел многострадальную вилку, но опомнился и отложил ее подальше.

– В том то и дело, что лишнего ему или вероятно ей, увидеть бы не удалось. С той точки обзор был очень ограниченный, а я думаю, что если бы он захотел, то легко сменила бы позицию. – С уверенным видом, не вяжущимся с мятым спортивным костюмом, младший из братьев махнул официанту, расписавшись в воздухе на воображаемом счете. – Нет, он следил все это время за машиной и единственным кто не отходил от нее. – Сайлас вздохнул и наклонился ко мне. – Похоже, что кто-то настолько хотел посмотреть на тебя, что подрядил кучку идиотов рискнуть своими шкурами. И я думаю, что сейчас тебе не стоит далеко отходить от друзей. Кажется, у тебя проблемы.

Глава 6

Всю дорогу пока мы ехали от стейк-хауса братья спорили. Как я понял, к этому Нилс-Ярду ведут только две узкие пешеходные улочки. Сайлас предлагал оставить машину на ближайшей стоянке, а Логан настаивал на том, чтобы остановиться у черного входа гостиничного ресторанчика, куда обычно подъезжают поставщики на своих грузовичках и войти всем вместе через кухню. Ради безопасности. Может быть, желая загладить неловкость, но после рассказа Сайласа, Логан стал постоянно о ней заботиться. Вот и теперь он настаивал на том, что пешая прогулка – это совсем не то, что нужно в сложившихся обстоятельствах. Сайлас же наотрез отказывался «прятать машину за мусорными баками и пробираться через подсобки». Как будто эту машину можно спрятать. После того как их спор пошел на четвертый круг, а эпитеты стали приобретать экспрессивный, но малопонятный мне характер, я решил подать голос.

– Я, конечно, очень благодарен вам за заботу. Но мне кажется, вы сильно сгущаете краски. – Судя по удивленным лицам обернувшихся братьев, в пылу спора они успели забыть о моем присутствии.

– Джек, позволь все же нам судить самим. – Логан жестом указал Сайласу на дорогу. Тот фыркнул, но отвернулся. – Ты даже близко не представляешь, с чем мы можем столкнуться.

– Ты тоже, как я понял. Или кроме какого-то следа нашлось что-то еще? – Логан поморщился. В зеркале заднего вида отразился зеленый глаз. – И потом, я не вчера родился и кое-как дожил до сегодняшнего дня, а вы все же о моей безопасности рассуждаете. Я думал с мыслью решать за меня покончено. – Логан насутился. Глаз в зеркале подмигнул.

– Хорошо, давай послушаем твою идею. Но прежде проясним кое-что – мало того, что Шейла, наша младшая, несколько непутевая, но от того даже более любимая сестренка, попросила присмотреть за тобой, об этом же меня попросил дед. – Глаз в зеркале выпучился. – И если для того, чтобы прикрыть твою задницу, мне придется ранить твои чувства... Что ж, извини заранее.

– Вот о своей заднице я привык заботиться сам. И не только о ней, голова, например, мне подсказывает, что проще всего доехать на машине куда возможно и пока Сайлас ищет ближайший паркинг, спокойно дойти вдвоем до места. И может даже еще по чашке кофе успеть выпить.

Одобрительно моргнув, глаз исчез из зеркала. Пробурчав что-то неразборчивое про «слишком умных», Логан отвернулся.

– И кстати, раз уж ты упомянул своего деда, не расскажешь немного о вашей семье? – Я решил немного сгладить резкость своих слов. Это все только нервы и ссориться с Логаном в мои планы не входило.

– Про дядю я уже слышал, хоть и не познакомился лично, а вот о нем слышу впервые.

Логан снова повернулся и задумчиво посмотрел на меня. Вздохнув, он тряхнул головой, словно решившись на что-то.

– Хорошо, я расскажу тебе. Больше, чем можно узнать о нас со стороны, но меньше, чем ты хотел бы. Пока меньше. Посмотрим, как пойдут дела. – Он примирительно улыбнулся. – Хотя так вышло, что ты уже узнал больше многих людей. И возможно поймешь, почему все устроено именно таким образом. Для начала, мы не просто семья, в современном понимании – Мак`Фиона старый и почтенный клан. Десятки, а то и сотни лет мы живем в Уэльсе и Ирландии. И там мы считаемся большим и дружным семейством, хранящим свою память, поддерживающим отношения даже с дальними родственниками и часто устраивающим торжества, на которые съезжается множество родни даже из самых дальних уголков. Но, несмотря на нашу открытость и гостеприимство, совершенно случайно оказывается так, что на таких праздниках практически не бывает чужаков. Случайно. – Внезапно Логан криво усмехнулся, оставив

тон гида-антрополога. – Любимое объяснение человечества. Людям проще считать, что случай правит их жизнями, даже когда они видят перед собой воплощенный дух-убийцу или Алуую гончую.

– Это еще что такое? – Я вдруг осознал, что необходимостью смириться с существованием одних только оборотней дело вероятно не закончится. Сердце, явно решив разведать дорогу заранее, ухнуло куда-то вниз и застучало часто-часто. С предельной ясностью я понял, что услышу сейчас то, что перевернет мой мир и саму жизнь безвозвратно. Что бы это не значило.

– О, это одни из множества существ, населяющих Тир Гелах. Когда-то они и им подобные свободно бродили по миру яви. По земле, что через века будет зваться в империи детей Волчицы Теллурием.

– В какой империи? – Даже для меня мой голос прозвучал придушенно.

– В римской. – Логан посмотрел на меня как на что-то прилипшее к ботинку – Кто вскормил Ромула и Рэма? А точнее сказать, кем были Ромул и Рэм? – Он сделал паузу, но я жестами показал, что буду нем как рыба. Удостоверившись в моем безраздельном внимании, Логан продолжил.

– Пастух Фаустул нашел двух младенцев, которых кормила волчица. Она не только не повредила детям, но и, не тронув пастуха, позволила забрать братьев. Годы спустя, один из них, Ромул, став царем нового города, Рима, утвердил культ богини земли Теллуры. Служение Теллуре требовало сложных ритуалов. Соблюдались они очень строго, так как малейшее нарушение могло навлечь недовольство богини и, следовательно, угрозу всему живущему и произрастающему на земле.

С многозначительным видом я покивал, сделав вид, что понимаю связь между древнеримскими мифами и семьей из Уэльса. Семей, в которой есть оборотни, дядя Финн и неизвестно что еще. Мдя...

– В допотопные времена множество сущностей могло свободно пересекать Грань туда и обратно. Некоторые делали это так часто, что образовывались постоянные Тропы, по которым уже мог пройти кто угодно. Молодое и раздробленное, лишь недавно познавшее огонь человечество, было всего лишь новой игрушкой для бессмертных. Вернее, для тех, кто считал себя таковыми. – Логан нехорошо усмехнулся. – В зависимости от выбранной ими игры люди звали их добрыми или злыми духами, божествами или демонами, добрыми гениями или монстрами. Однако, любая игрушка рано или поздно наскучит и тогда, даже добрый в общем ребенок может ее сломать. Что же говорить о тех, кто никогда детьми и не был, никогда не был рожден и даже близко не приближался к понятию доброты? Что говорить о тех, для которых смертные были и остаются изысканным деликатесом с приправой из страхов, надежд и страстей? Короче, человечество было обречено исчезнуть в течение нескольких поколений. Но, хвала Творцу и Матери, не все духи похожи на избалованных детей. Были и те, кто видел в смертных будущее этого мира. Они призвали охотников, защитников. Пастырей. Фера.

– Так, стоп! Тайм-аут! – я схватился за голову. – Логан, от твоих объяснений можно попросту с ума сойти!

– А действительно стоп. – С этими словами Сайлас остановил наш монстромобиль, но не заглушил двигатель. С улыбкой во весь рот он повернулся к нам.

– А ну ка, умники, выметайтесь, приехали. Семь Циферблатов, конечная. А я пока хоть немного от вашего трепса отдохну.

– Ты давай, не увлекайся. – Логан был явно недоволен тем, что его перебили. – Парковка в соседнем квартале, а к Ниссе я один не пойду. Так что одна нога здесь...

– Боишься? – съехидничал Сайлас. Братья продолжали беззлобно пикироваться, пока я вытаскивал вещи из машины. Я хоть парень и не маленький, но к этому недогрузовику можно бы и трап подавать.

Когда Сайлас уехал, Логан безо всяких усилий забросил на плечо мою сумку и зашагал через небольшую площадь, окруженную странными узкими домами. Приглядевшись, я понял, что сюда со всех сторон сбегается целых семь улиц и от этого многие здания имеют фасад шириной всего в одно окно. В центре площади высился высокий каменный шпиль.

– А почему это место называется Семь Циферблатов?

Логан молча мотнул головой в сторону шпиля. Присмотревшись, я увидел высоко на нем несколько синих с позолотой дисков – солнечных часов.

– Но их же только шесть... – В недоумении я стал оглядываться по сторонам, ожидая найти недостающие часы.

Логан вздохнул.

– В девятнадцатом веке тут были замечательные трущобы. С нищетой, бродягами и уличными бандами. Об этом квартале даже Диккенс писал в своих «Очерках Боза». Там что-то про «перекрёсток семи неведомых путей» и еще... ах да... «От площади неправильной формы разбегаются во все стороны улицы и переулки, но глубь их тонет во мгле нездоровых испарений, что нависла над крышами домов, туманя и искажая перспективу...» – Логан остановился и оглянулся на каменный столб. – Шпиль сносили, кажется, таким образом, пытались уничтожить место встреч представителей различных банд. И восстановили только в конце двадцатого века, когда район стал уже вполне респектабельной «внутренней деревней». – Он взмахом руки указал на многочисленные магазинчики и кафе, занимающие первые этажи практически каждого здания в округе. – Ну и вот пока перед глазами его не было, все и забыли, что и улиц когда-то было шесть и циферблатов соответственно тоже. Как седьмую улицу выстроили, так новое название и прижилось, а старое забылось. Ну а когда по старым чертежам шпиль восстановили, то решили ничего не менять, а просто седьмыми часами стали считать сам шпиль ну, а саму площадь циферблатом. Недостающим. – Логан усмехнулся и, поправив на плече сумку, двинулся неспешным, но широким шагом по ближайшей улице. Сады Шорта прочел я на табличке, на одном из домов, и поспешил за моим гидом. Между тем он продолжал.

– И это все как раз еще один пример краткосрочности людской памяти. Стоит чему-то пропасть с глаз, как этого уже считай, и не было, зато понапридумывают с три короба. Но при этом и стоит попасться на глаза чему-то, что не вписывается в «логичную и разумную», пони-май принятую человеком и для человека картину мира и здесь, с упорством достойным лучшего применения, он изобретает объяснение, «возвращающее» непознанное в ложе ограниченных знаний вчерашних варваров. – Оглядевшись и убедившись в отсутствии лишних ушей поблизости, Логан подмигнул, и слегка понизив голос продолжил. – Впрочем, нам это только на руку. При виде пикси, призрака, вампира или даже плюющего огнем мага, обыватель решает, что видел, скорее всего, бабочку, клубы дыма, подростка-гота или может быть террориста-шахида. Отталкивающее, неприятное, даже пугающее, что угодно – только бы понятное. Но то ли найти разумное объяснение существованию ужасу, который вызывает наш настоящий облик, люди все же не могут, то ли еще почему, но при виде любого из подобных нам в естественном виде, большинство наблюдателей теряет сознание и память. Некоторые могут сопротивляться какое-то время, другие теряют сознание не полностью, а впадают в кататонический ступор, но итог один – обморок и провал в памяти.

– Логан, это все конечно увлекательно, только, причем тут семья твоя, родственники и, в конце концов, Шейла? Библейские легенды, история древнего Рима, вампиры, призраки – к чему эти сказки на ночь?

Логан покосился на меня и перебросил сумку с одного плеча на другое. Само это движение, простое и обыденное, заставило меня сбиться с шага, настолько оно вышло быстрым, текучим и даже угрожающим. Я осекся. Сказка уже не просто вошла в мою жизнь, но и с комфортом расположилась, закинула ноги на стол и потребовала не прожаренного мяса.

– Джек, я скажу тебе это один раз и то лишь потому, что пообещал проследить за тем, что б тебе не откусили задницу – много молчи, много слушай и не перебивай тех, кто делится с тобою знаниями. Мир этот для тебя нов. Знаешь ты о нем меньше чем ничего. А учитывая, что в сказках, о которых ты выразился столь пренебрежительно и которые при этом сделал своим призванием, всегда есть доля правды, ты постоянно будешь встречать что-то знакомое. И значит, ты постоянно будешь думать, что уже все понял. И это будет твоей ошибкой. Вероятно, последней. Тех, кто хотя бы попытается объяснить тебе твою оплошность, перед тем как убить, я могу пересчитать по пальцам. Не разуваясь. – Логан искоса следил за тем как до меня доходит.

Я ошарашенно промолчал. Во время своего первого и последнего же контракта в Бенгази после службы в корпусе, я вполне ощутил, что такое постоянная угроза жизни и почему необходима осторожность в общении с местными, осторожность в передвижениях и зачем нужно постоянно контролировать окружающее пространство. Выматывающее душу ежедневное напряжение. Постоянное ожидание выстрела или взрыва. Несмотря на армейскую подготовку, а может и благодаря ей, я понимал, что даже учитывая все предосторожности, шансы дожить до конца контракта, практически невозможно просчитать. Я надеялся никогда больше не вспоминать те времена. Никогда не вспоминать Дэвида Уэбба, нашего ветерана, пережившего службу в морской пехоте и двенадцать контрактов в различных частных компаниях. Он мало говорил, но всегда точно и по делу. Я старался запоминать его слова. Многие его советы потом мне очень пригодились. В тот день мы обходили один из местных базарчиков, без которых на востоке не бывает даже крупных городов. Стараясь избегать толпы, мы двигались по краю большой площади, заставленной прилавками, контейнерами и автомобилями всех видов и возрастов. Множество людей торговались, спорили и просто общались, создавая ужасный шум. Дэйв напомнил мне, что в толпе непроизвольно начинаешь следить только за ближайшим окружением, ярдов на пять-десять. И значит можно пропустить наблюдателя на крышах или верхних этажах домов на противоположном краю площади, откуда с простейшей оптикой можно следить практически за каждым на рынке. Из-за шума я старался идти поближе к нему, чтобы не пропустить ни слова. Поэтому, когда Дэвид, обходя прилавок с горками фруктов, резко свернул в сторону, я не успел среагировать и столкнулся с носильщиком, тащившим большую кипу разноцветных одеял. У нас была строжайшая инструкция, не вступать ни в какие конфликты с местным населением. Тут же начался чистейший хаос с восточным темпераментом. Одеяла летят во все стороны, носильщик орет, явно призывая Аллаха, шайтанов, иблисов и кого еще только возможно, доделать свою работу и покарать уже и так, видимо, слепого и полоумного гяура. Размахивая руками и наступая на меня, он задевает прилавок с фруктами, уложенными столь аккуратно и столь плотно, что между манго, эштой и апельсинами не то, что яблоку, вишенке не упасть. Апельсины теннисными мячами скачут под ногами и к крикам носильщика добавляются вопли торговца. Я поднимаю глаза на Дэйва и развожу руками, показывая, что надо задержаться, что-то помочь собрать, тысячекратно извиниться и может быть расстаться с баксом-другим. Дэвид кивает, якобы рассеяно оглядывает ругающихся мужчин и ближайшую к нам толпу. Пока он поворачивается и обходит старенький грузовик, его взгляд спокойно охватывает площадь сектор за сектором, не упуская ни одной важной детали. Вечером ему составлять план передвижения для нашей группы, которая завтра обеспечивает встречу представителя посольства с кем-то из местных политиков. Дэвид Уэбб заходит за машину, и я запоминаю этот почти сонный, но столь цепкий взгляд на всю жизнь. Через несколько секунд прогремит взрыв. От осколков и ударной волны меня закроет тот самый грузовичок. Дэйв, ветеран множества горячих точек, отец двоих детей и просто хороший парень, ничуть не похожий на голливудский образ наемника, погибнет мгновенно.

И вот только сейчас, глядя на Логана, я окончательно осознал в какую дерьмовую переделку возможно попал. Отнюдь не его слова, смутные и неясные, заставили меня собраться. В

центре Европы, в Лондоне, среди бела дня человек, а я пока решил все же считать его таковым, небрежно вышедший против толпы вооруженных отморожков, идет по одной из центральных улиц и постоянно осматривает окружающее пространство. Небрежно. Лениво. Почти сонно. Сектор за сектором. Включая балконы, крыши домов и любые потенциальные наблюдательные точки. И делает он это с того момента как мы вышли из автомобиля. Беспорывно.

В таких случаях принято говорить о мурашках, морозе по коже или охватившем холоде. Но меня на минуту бросило в жар. Сухой жар ливийского полдня. Безо всякого участия разума, тело вспомнило, как перехватить поудобнее поклажу, как сдвинуться чуть назад и в сторону, что б не перекрывать сектор обзора и при этом контролировать слепую зону напарника. Хотя, судя по тому, что он придерживается центра этой, хоть и узкой улочки, стеречься мой проводник решил не выстрела, а нападения в стиле «случайно столкнулись – случайно зарезали». А прохожих поблизости почти и нет. Но береженого бог бережет.

Видимо перемены в моем поведении не укрылись от Логана. С некоторым удивлением он произнес:

– Проникся? Вот уж не думал, что до тебя дойдет так быстро. Не часто мне приходилось рассказывать историю нашего рода, но каждый раз – вы люди упираетесь до последнего, не желая признавать, что мир ваш не только не понятен, но и очень опасен. Успокоительная сказочка про «венец творения». – Логан пожал плечами. – Что ж, выходит я снова ошибся на твой счет – он усмехнулся и покачал головой – у тебя есть чутье, а значит, возможно, ты все же выживешь. Скоро ты начнешь понимать немного больше, и надеюсь, все же решишь уехать. В общем, шансы выполнить просьбу деда повышаются. Возблагодарим духов за маленькие милости.

Мы как раз проходили маленькую лавочку, на вывеске которой было написано «Дневник Нилс Ярда» с витриной заполненной почему-то сырными кругами. Логан свернул в узкий проулок, словно, решив сократить путь через чей-то двор. Он повернул столь резко, что я чуть было, не стал пятиться за ним, прикрывая отход. Нет, надо взять себя в руки. Пусть и сказано, что параноя еще не отменяет того, что за вами могут следить, однако все же не стоит впадать в крайности. Размышляя подобным образом, я свернул за угол и попросту оторопел от неожиданности. Проулок, все еще сжатый домами настолько, что, разведя руки, я коснулся бы стен, показался светлее и шире чем был на самом деле. Стены домов здесь были выкрашены в лимонный, оранжевый и охряный цвета, плавно перетекающие друг в друга. Подоконники, рамы и решетки окон выделялись густым синим. Вместо серого асфальта, под ногами тщательно подогнанные коричнево-зеленые плиты из какого-то гладкого, но не скользкого даже после дождя, камня. Опомнившись и не обнаружив Логана, я поспешил дальше и через десяток шагов оказался на небольшой уютной площади, плотно окруженной столь же ярко выкрашенными трех-четырёхэтажными домами. Первые этажи были полностью заняты различными лавками, салат-барами, кафе и бог знает, чем еще. Яркие вывески, всех возможных форм и расцветок соперничали с зеленью, ползущей по стенам из горшков, стоящих тут и там на подоконниках и маленьких балконах, а также из пестро раскрашенных металлических бочек, используемых как клумбы. Такие же бочки были расставлены по всей площади, но в них росли небольшие деревца, а вокруг были сделаны деревянные лавки без спинок, лимонного и салатного цвета. Люди,двигающиеся во всех направлениях, сидящие с газетой и чашкой кофе, перекрикивающиеся с балконов, эти люди были под стать окружающему великолепию. Мимо меня прошли, жарко спорящие о чем-то, классический представитель среднего делового класса из Сити в костюме-тройке, в котелке и с неизменным зонтом подмышкой и женщина в сиреневом тюрбане, замотанная сразу в несколько разноцветных шалей, бахрома которых почти закрывала красно-зеленую цыганскую юбку. Плывущие над всей этой роскошью запахи кофе, корицы, свежей выпечки и каких-то специй довершали эту неожиданную картину. Пожалуй,

за возможность увидеть в центре Лондона такое чудо придется простить братьям Мак`Фиона сегодняшние неприятности. Половину уж точно.

Логан уже придерживал открытой, тяжелой на вид, всю в затейливой резьбе, деревянную дверь.

Темная от времени, теряющаяся на фоне ярких и красочных товаров, вывеска гласила «Зимняя долина». Несмотря на явное нетерпение моего сопровождающего, я остановился и еще раз оглянулся на окружающий, совсем не лондонский карнавал красок. Вот хиппи с дредами спадающими на канареечную рубашку в огромных васильках играет на диджериду. Рядом пританцовывает бритая налысо девушка в ситцевом сарафане. Ее ушки так плотно увешаны пирсингом, что от каждого движения головы вокруг разлетаются мелкие солнечные зайчики. В отдалении пожилой джентльмен с шикарнейшими завитыми усами выгуливает на сворке лису. А в проулок, через который я вошел, сворачивает подросток в обычном джинсовом костюме, черно-белой бейсболке и с рюкзачком с каким-то рисунком. Он уходит и мне не видно его лица, но я совершенно убежден, что на его бейсболке эмблема «Чикаго Буллз», а в рюкзаке лежит выпуск «Ходящего по стеклу» с моим автографом.

Глава 7

Я так глубоко задумался, что даже запнулся о порог. Попытки сохранить равновесие не оставили в голове места для размышлений о том, как сюда мог попасть мой вчерашний попутчик. В конце концов, разве не до одной станции мы ехали? Мало ли что могло привести сюда парнишку. Да и ошибиться я мог, хотя в жизни еще со мной такого не случилось. Уж если я кого увижу, всегда узнаю. Могу забыть имя, телефон или еще какую-нибудь ерунду. Но увиденное, четкой литографией, надолго отпечатывается у меня в мозгу. Кстати об увиденном. Я огляделся. На меня никто не пялится и значит, мои эксперименты с гравитацией прошли незаметно. Ну и замечательно.

Дверь с улицы вела в неожиданно просторный Г-образный зал с низкими потолками. В короткой его части находились массивная дубовая барная стойка с батареей разнокалиберных бутылей и бочонков под большим потемневшим зеркалом за ней. Рядом находился небольшой подиум, видимо для выступлений музыкантов по вечерам и несколько дверей во внутренние помещения. Длинная же часть зала уставлена столами и стульями. Все это я увидел мельком, так как мой взгляд сразу прикипел к большой росписи напротив барной стойки.

С высочайшим искусством, с мельчайшими деталями во всю стену была нанесена целая панорама. Представьте себе кладку из дикого камня, в которой пробит широкий грубый пролом. Затем в этот пролом прочно вделана ажурная решетчатая воротина из бронзы, с узором из перемежающихся снежинок и дубовых листьев. Сквозь редкие прутья открывается вид на глубокую горную долину под сумрачным небом. Склоны укрыты густой летней зеленью и лишь на некоторых вершинах поблескивают снежные мантии да кое-где ходят густые облака. В отдалении, из склона горы вырастает цитадель. На нее падает единственный луч света, прорвавшийся с высоты. Но он освещает замок не полностью – вершины башен остаются в тени. Лишь ворота с барбаканом сверкают белым камнем на солнце. Из лесной зелени тут и там выступают высокие утесы, три штуки и на каждом по башне. Каждая своей высоты и формы, но все соединены с крепостью длинными мостами. Замок невообразимо далек – его серые башни почти вровень с некоторыми вершинами и на самых больших лежит снег, но тропа, начинающаяся от кованой калитки, широкая вначале, сходится в нить и теряется из виду еще на подходах к замковому холму. Как художник, я высоко оценил мастерство автора, кроме качества самого изображения, он еще и совместил часть калитки с реальной дверью, да так искусно, что, если бы не настоящая ручка, выполненная в виде дверного молотка-кольца и выделяющаяся на гладкой стене, заметить ее было бы невозможно. Кстати, это была единственная неуместная деталь в композиции, ведь дверные молотки вешались на городских дверях, а не на горных перевалах, но это уже придирка. Картина просто завораживала, и я даже на секунду испытал некую ревность к искусству мастера.

– Наконец-то! Вы решили по дороге завернуть куда-то, промочить горло или просто соревновались с улитками? – Сайлас опирался на стойку, держа в руке пинту пива. Он утер пену с губ и широко улыбнулся – Я уж было собрался вам навстречу, но меня отвлекли. – Он любовно погладил запотевшую кружку.

– На охоте спешить – остаться без обеда. Главное дошли и дошли спокойно. А ты, братец, никого не встретил? – Логан сгрузил поклажу и показал бармену на кружку брата. А затем повернулся ко мне. – Джек, выпьешь что-нибудь? Я угощаю. Ниссу сейчас позовут.

– Стал бы я расслаиваться, если бы кого-то встретил – Сайлас возмущенно фыркнул в кружку, забрызгавшись пеной по самые брови. Хорошее пиво видать, свежее. Если в Соединенном Королевстве даже водителям пара пинт не возбраняется, то уж мне-то сегодня сам бог велел.

Я решил взять кружку «Килкенни» – хороший красный эль, какой за пределами Британии и не встретишь, пожалуй. И после всех треволнений будет очень в цвет, несмотря на середину дня. Бармен в форменном фартуке с кожаными ляжками бросил на стойку бердегель, поставил на него кружку и придвинул мисочку с солеными крендельками, все так плавно и ловко, будто у него была лишняя пара рук. Отдав должное элю и кренделькам, я решил продолжить свои расспросы и повернулся к Логану, который вполголоса что-то втолковывал Сайласу.

– Это не обсуждается. Есть встречи, которые нельзя пропустить. На некоторые даже опаздывать не рекомендуется. – Увлечись элем, я пропустил начало очередного спора братьев. – Крайне сочувствую очередной пассии, которая будет лишена твоего общества этим вечером, но я еду не развлекаться, ты же понимаешь. – Логан развел руками.

Сайлас упрямо тряхнул головой.

– Я на это не подписывался. И потом, я пообещал. Не хочешь же ты, что б я нарушил слово?

– Вот только не надо изображать из себя ревнителя традиций. Можно подумать, что ты не умеешь пользоваться мобильным телефоном. Извинись и перенеси встречу.

– Да какого...

– Хватит! – Логан хлопнул ладонью по стойке и залпом допил пиво. – Я уже опаздываю.

– Дождись Ниссу, обустрой Джека и покрутись тут, пригляди за всем. А вечером я подъеду, и мы решим, как быть дальше.

Не обращая больше внимания на возмущение младшего, Логан повернулся ко мне.

– Извини, срочные дела. До вечера побудь здесь. – Его мысли явно были уже далеко и поэтому он повторялся – Я вернусь, и, если ты будешь готов, провожу тебя на вокзал.

Хлопнув меня по плечу, Логан запустил руку в миску с крендельками и, набрав полную горсть, быстрым шагом вышел на улицу. В хрусте разгрызаемых крендельков послышалось какое-то бречание. Посмотрев на стойку, я вспомнил, что рядом с мисочкой лежали ключи Сайласа.

– Сукин сын! Павлин ряженный! – Сайлас тоже обнаружил пропажу и теперь кипел праведным гневом. – Вот ведь зараза! Строит из себя неизвестно что, еще и жизни учит. А теперь и машину спер. Козлина!

Мне казалось, что пикировки между братьями содержали большую долю юмора и сейчас Сайлас продолжает ругаться не взаправду, просто рисуясь. Но тут он поставил уже пустую кружку на стойку так, что по толстому стеклу зазмеились трещины, а мисочка с крендельками подпрыгнула и перевернулась. Совершенно молча, как само собой разумеющееся, бармен убрал следы разрушений и так же, не спрашивая, поставил перед расстроенным Сайласом полную кружку лагера. Тот ответил благодарным ворчанием и уткнулся носом в пену.

– Салли! Ты чего хулиганишь? Будешь бить посуду, попрошу Брайана подавать тебе пиво в пластиковой миске. В розовой. – Прозвучало из-за спины.

Оглянувшись, я понял, что начинаю уставать удивляться. Подошедшая девушка, судя по всему, была местным менеджером. Серо-синий брючный костюм, белоснежная блузка, туфли на удобном низком каблуке, планшет с разнокалиберными исписанными листками в зажиме и блютус-гарнитура в ухе. На этом сходство с представителями безликой и вездесущей армии «белых воротничков» заканчивалось. Длинные дреды, всех оттенков синего, фиолетового и зеленого, собранные в пучок на темени, ледяным водопадом ниспадали за спину. Серебристые колечки пирсинга в ушках, в ноздре и в губе. Яркий макияж под цвет волос, но на пару тонов темнее. И в довершение изумрудные контактные линзы со зрачком в форме звездочек. Полный отпад.

– Мерерид! Я и не знал, что ты вернулась! – Сайлас соскочил с табуретки и попутался оправить свой спортивный костюм. – Как, эммм, съездила? – Теперь он пытался пригладить волосы.

Девушка открыла было рот, но стрельнув глазами в мою сторону, выдохнула и произнесла явно не то, что собиралась.

– Чудесно, но пришлось возвратиться к работе. А ты здесь, какими судьбами? Или...

Тут Сайлас видимо вспомнил, зачем он пришел, обрел утерянную уверенность и затараторил с пулеметной скоростью.

– Слушай, это же замечательно, что ты здесь! Мы тут с Джеком – небрежный взмах в мою сторону – ждем Ниссу, а у меня как назло ну ни секундошки лишней нет, жутко опаздываю. А всего-то и надо, что поселить его в номер, да приглядеть немного до вечера, пока Логан не придет. А для тебя же это плевое дело! – Сайлас склонил голову набок и попытался изобразить взгляд голодного щенка из рекламы собачьего корма – Все уже оплачено и с Ниссой обговорено – семейное дело, ну ты же понимаешь.

– погоди... – девушка оторопело переводила взгляд с него на меня – семейное? Но он же не?..

– Вот все-то ты схватываешь – лстиво закивал Сайлас – да, он не из наших, но немного в курсе. Да Джек тебе сам все расскажет. – И уже ко мне. – Можешь не стесняться, Мерри своя в доску и надежна как приход весны.

– Ах ты!.. – То ли последние слова, то ли осознание, что ее пытаются внаглую использовать в целом, пробудили в девушке желание сделать с не в меру говорливым Мак`Фиона что-то нехорошее. Во всяком случае, выражение лица с которым она двинулась на сближение, не сулило никаких пряников. В шутовском ужасе Сайлас спрятался за меня и тут же зашептал в ухо.

– Джек, ты же понимаешь, ну не могу я остаться. Есть встречи, которые и вообще не отменишь и тем более по телефону. Тут тебе ничего не грозит, тем более, если Мерерид вернулась! – Последние слова он произнес погромче, и они подействовали на девушку отрезвляюще. Она явно вспомнила, что находится при исполнении и попыталась взять себя в руки.

Я же подумал, что во всей этой круговерти не стоит ссориться с кем-либо вообще и с братьями Шейлы в частности. Да еще и с непредсказуемо опасными. Да еще и по поводу того, нужна ли мне посреди бела дня нянька. Нафиг-нафиг.

– Уговорил, если Логан придет, скажу, что ты недавно вышел.

– Дружище, я твой должник! – тут он посмотрел на Мерерид и осекся – В общем, спасибо огромное. До встречи!

Когда я оглянулся, то увидел только захлопывающуюся дверь.

– Вот ведь кобель! – в голосе девушки в равных пропорциях были смешаны досада и восхищение – Доиграется же. – Тут она опомнилась, посмотрела на меня и протянула руку. – Мерерид Оунаг, управляющая гостиницей и рестораном.

– Джек Спэрроу и, если никто ничего не напутал, ваш постоялец на несколько дней. – Рукопожатие было неожиданно крепким и прохладным.

– Сейчас посмотрим. – Менеджер пролистала свои записи и выдернула из зажима один лист. – Да, есть бронь на имя мистера Спэрроу, оплачено на неделю. Странно, номер заказан *чистый*... – последнюю фразу она произнесла как бы про себя.

– Миз Оунаг, а простите, что вас так удивляет? – я уже хотел было пошутить про клопов и прочую антисанитарию, но вдруг вспомнил как это же слово и так же с каким-то значением, употреблял Логан. Возможно, у меня появился шанс разузнать что-то сверх того, чем меня пытались накормить братья. Если повезет. – Видите ли, я приехал только вчера и не очень знаком с вашими порядками. Но за это время столько всего успело произойти, что я бы не удивился любой накладке при бронировании. – Я выдал свою самую искреннюю улыбку.

– Вы из Штатов да? – Она шутовски нахмурилась. – Ну да вам не обязательно употреблять это новомодное «миз», как, впрочем, и гадать мисс я или миссис, зовите меня Мерри. После той сцены, что вы видели, мне срочно нужно сделать вид, что мы с вами старые приятели.

– Принято, желание леди закон. Но тогда вам придется звать меня Джеком. Без такой платы я не смогу принять ваш дар. – От смущения меня потянуло на банальщину, и я даже слегка поклонился. Девушка как-то странно посмотрела на меня, и я решил поменьше выпендриваться.

– Ну что вы, у нас это еще не дар. Что же касается вашего вопроса, то не знаю, как у вас, а здесь *чистыми* мы зовем всех людей, в отличие от *ведающих* или Народов. Пойдемте, я провожу вас.

– Народов?

– Ну да, всех остальных. Малый народец, джентри, сидхи, тролли, кровные родичи, у нас они, кстати, крайне не любят термин вампиры, в отличие от ваших друзей. – Она искоса посмотрела на меня.

– Это видимо из-за кинематографа. – Непослушными губами выговорил я. Крайне тяжело было сохранить спокойствие перед лицом той обыденности, с которой моя синеволосая спутница рассуждала о троллях или вампирах.

– Да, возможно, а у вас разве не так?

– Я, признаться, затрудняюсь вам ответить, до недавнего времени я много путешествовал и крайне мало общался с миром. Я, видите ли, нечто вроде помеси странствующего художника с писателем. – Не привык я все же рассказывать о себе посторонним людям: на редких конвентах меня представляли, а в остальное время я говорю о себе просто как о художнике.

– Да что вы говорите! Писатель? Нисса будет просто счастлива. Мы все ценим хорошие истории, но она истинный знаток. Даже гостиницу открыла, чтобы встречать как можно больше новых людей и слушать их рассказы. Правда ее вторая страсть, к путешествиям, не позволяет ей подолгу рассиживаться и поэтому она наняла меня. – Мерри улыбнулась, без капли кокетливости или ложной застенчивости, которая так часто встречается у людей, рассказывающих о своих успехах. – Так что вы у меня в гостях, пока находитесь в этих стенах.

– Не ждал, что сегодняшней день обернется таким везением. – Я чуть снова не поклонился. Что это со мной? Что-то совсем разучился я общаться, особенно с симпатичными, экстравагантными девушками. Даже сам не понимаю, это я так смущаюсь или флиртую. Хорошо, что Шейла не видела...

Задумавшись, я вдруг понял, что пропустил, какие-то наставления Мерерид. Поскольку за разговором, мы уже пару раз свернули и вышли в коридор с тремя дверями без номеров, но с резными изображениями различных листьев и мне уже протягивали ключ с брелком в виде дубового, я решил, что это стандартная информация о курении в номере, завтраке и тому подобном. Я не курю и очень редко завтракаю, так что, принимая ключ, просто кивнул с умным видом.

– Рада, что вы понимаете, Джек. Еще раз простите. – Мерерид просияла. Судя по ее реакции, «понял» я что-то более важное, чем гостиничный распорядок, но переспрашивать поздно. Ладно, по ходу пьесы разберемся.

– Как отдохнете, выходите в зал, угощу вас нашим фирменным коктейлем, ну и если не будет наплыва гостей, поболтаем, согласны?

Мне ничего не оставалось, как пообещать прийти и довольная Мерерид, на ходу просматривая свои записи, удалилась. Глядя ей вслед, я заметил некоторую странность ее походки – никакого пошлого виляния бедрами или «походки манекенщицы», девушка слегка изгибалась всем телом, как будто при каждом шаге по ней пробегала волна. Я подобное видел только в ролике про русский балет, их любил наш капрал – говорил, что таких ног у цыпочек не видел даже в Вегасе. Наверное Мерри тоже занимается хореографией. Разносторонняя личность. Интересно, а обычные люди вокруг меня закончились?

Захлопнув за собой дверь номера, и повернув ключ на два оборота, я просто побросал сумки на пол и, шагнув в комнату, упал на первый попавшийся стул. Впервые за весь длин-

ный день я был один и предоставлен сам себе. Накатила слабость и состояние какой-то опустошенности. словно перед началом работы над новым рисунком я откинулся и закрыл глаза, попытавшись хоть как-то привести мысли в порядок. Первое, что необходимо принять – мои представления о мире не стоят и выеденного яйца. Комиксы, сказки и легенды, с которыми я работал в последние годы видимо куда ближе к реальности, чем мог бы вообразить любой завсегдатай комик-конов в своих самых смелых мечтах. От этого будем отталкиваться в дальнейшем. Второе – совершенно не ясно, что в легендах может оказаться правдой, а что вымыслом. Третье – незнание, впрочем, как и недостаточное знание может оказаться фатальным. Это стоит признать хотя бы после удара ножом, затем участия в уличной разборке, драке (ну если можно так сказать) с оборотнем и также вероятной слежке за мной неизвестно кого и с какой целью. И это только за один день. Обратни существуют точно, а со слов Мерерид, есть еще и тролли, малый народец, сидхи и вампиры, которые не любят, когда их называют вампирами. А также бог знает кто еще. Кстати о боге, существование сверхъестественного означает ли и существование бога и дьявола? Вопрос на миллион. Уже всего этого хватило бы для покупки билета своей крыше на скорый поезд, но есть еще и чудесное исцеление, и исчезающая татуировка на руке, и моя «особенная» невосприимчивость к вервольфовским фокусам, но это просто запишем в какую-нибудь природную устойчивость. Бывают же люди, не поддающиеся гипнозу или от рождения, обладающие абсолютным слухом. Вот и мне возможно «повезло».

По-хорошему теперь бы определиться с тем, что делать дальше. Логика опять подсказывает хватать ноги в руки и бежать как можно дальше, что б поскорее забыть этот день как страшный сон.

Ага, сейчас. Даже если забыть о непонятной татуировке и причине, по которой загадочный дядя Финн, а недооценивать его решение что-то все меньше и меньше желания, меня этой самой татуировкой наделил, остается еще один важный момент. Момент, о котором я не знаю, что и думать и который волнует меня ничуть не меньше чем все остальные вместе взятые. Шейла. Где она, что с ней, не угрожает ли ей что-то и... кто она? Обычная девушка из необычной семьи или же она тоже может обращаться в двухметровую фурию с когтями и зубами на зависть любому гризли? Вопросы, вопросы... А хочу ли я знать ответы? Вот что важнее всего решить сейчас. Я ехал в живописную британскую глубинку по приглашению девушки, к которой меня потянуло с первого взгляда. То, что я тоже оказался ей интересен, было чудом наравне с существованием фей и вампиров и косвенно подтверждало существование бога. Или дьявола, в зависимости от результата. Но в любом случае, на участие в «Американском оборотне в Лондоне» я не подписывался. То есть логика выходит права, «хватай мешки вокзал отходит»? Отчего же тогда эту столь очевидную мысль я сам себе доказываю снова и снова? Отчего же я себя убеждаю и все никак не могу до конца убедить?

Я живу, как перекасти поле. У меня нет своего угла, и все мое имущество умещается в нескольких сумках. Работа дает мне достаточно денег для удовлетворения всех, пусть и скромных потребностей, но главное она не позволяет задумываться темными одинокими вечерами. У меня нет близких людей, если не считать таковыми моего агента или «френдов» по переписке. Я живу сегодняшним днем и как поется в одной песне «одиночество меня еще не мучает, но лечит». Но это на поверхности. Я убедил себя и небезуспешно, что такой образ жизни мне по вкусу. Я стараюсь не вспоминать обстоятельства ухода со службы и причины, по которым стараюсь подолгу не задерживаться на одном месте и по возможности расплачиваться наличными. Конечно, если кто-то задастся целью найти меня, он это сделает, но попотеть придется. Правда, не уверен, что это кому-нибудь еще интересно. И вот теперь появляется новая причина жить, оглядываясь через плечо. Новый страх. От которого не убежишь и даже не уйдешь в работу. Он будет брать билет в одно купе со мной, сидеть рядом в автобусе и по вечерам пить мой чай в том же гостиничном номере. А когда я буду раскладывать новый лист для того, чтобы нарисовать очередного монстра, страх будет подсаживаться поближе, заглядывать в глаза и

спрашивать: «Ну как ты? Еще не забыл?», а после самодовольно класть ноги на стол. Прямо на лист с неоконченным рисунком. Он терпелив. Он будет ждать.

И он не один. Когда Шейла согласилась выпить со мной кофе, когда я подписывал ей свою книгу и даже когда я ехал в вагоне «Евростара» меня не покидало ощущение, что все это не настоящее и вот-вот закончится. Такие девушки не для бродяг без гроша за душой, с туманным прошлым и сомнительным будущим. Да, я ухватился за шанс, ненадолго пожить жизнью без тишины и одиночества, но все время ждал подтверждения того, что Шейла слишком хороша для меня. Ждал и боялся. И если я сейчас встану, возьму, так и лежащие у двери чемоданы, поеду на вокзал и сяду на первый же поезд на континент, я докажу это себе окончательно. Раз и навсегда. Я буду вечно убегать и вечно знать, что иной жизни я и не заслуживаю. Та малая часть меня, которая еще сохранила достоинство, которая еще помнит, что такое друзья, различает, что такое хорошо и плохо и готова за это даже подраться, тот Жека, как звала его только мать, он навсегда останется в этом номере. Уедет другой. Осторожный, логичный, равнодушный. Одинокий. Вечно бегущий. «И ад следовал за ним».

Если посмотреть под таким углом, то у меня выбор между возможным спасением жизни и сохранением себя. Как бы патетично это не звучало (я писатель, мне можно), выбор между телом и душой. А на такое я, пожалуй, пойти не могу. Одно дело подозревать, что ты пустое место, другое дело это доказать. Еще и табличку привинтить «Памятник глупости и трусости. Охраняется законом. В назидание». Значит, решено – нужно попытаться разобраться с этим новым миром, с этой татуировкой и с этой новой для меня ситуацией: Шейла действительно хороша, но я больше не стану считать, что хороша она для меня слишком. В самый раз.

Глава 8

Вздыхнув, словно после глубокого сна, я встал и потянулся. Перестав заниматься самокопанием, я, наконец, решил осмотреть временное пристанище. На фоне удивительных событий, произошедших сегодня, номер оказался подчеркнуто безлик. Небольшая комната с маленьким окошком. Узкая кровать с зеленым покрывалом, тумбочка с лампой, приставной столик, деревянный стул. Под потолком на кронштейне небольшой, «кухонный» телевизор, пульт от которого обнаружился на подоконнике. В маленьком коридоре стенной шкаф и дверь в санузел с душевой кабиной, унитазом и характерной для старых английских домов глубокой раковиной с двумя кранами. Полагается набрать воду, регулируя температуру, включая краны по очереди и мыть руки, посуду или, например, бриться, используя раковину как таз. Про обычай этот я слышал, хоть и не знал, была ли его причиной бережливость, привычка или может особая нелюбовь к проточной воде. Пол в номере везде, за исключением санузла покрыт коричнево-красным ковролином. Все очень чисто и опрятно, но совершенно заурядно, словно в каталоге Икеи. Впрочем, даже такой номер в самом центре Лондона влетел бы в кругленькую сумму, если бы мне пришлось в голову снимать его за свои деньги. Так что не стоит перебирать харчами, тем более что по сравнению с хостелами или некоторыми комнатами в съемных квартирах в Бухаресте, Секешфехерваре или Вышеграде это настоящие хоромы. На столике даже обнаружилась памятка с указанием времени завтрака, номерами вызова такси и даже с паролем вай-фая, который заставил улыбнуться – «palantir2.0». Увлеченные люди придумывали, что, впрочем, не удивительно для Ковент-Гардена, с его-то богемной атмосферой.

Распаковав вещи, я набросал небольшое письмо издателю, пообещав в ближайшее время выслать оконченные рисунки. Закрыв ноутбук, я вспомнил о выпачканном кровью кейсе. Подробный осмотр подтвердил худшие опасения – отчистить его, скорее всего уже не удастся. Придется покупать новый. Но сколько же крови я тогда потерял? А ведь сейчас я чувствую себя если не превосходно, то все же лучше, чем обычно. Раздевшись, я направился в душ, чтоб смыть с себя ощущение больницы. Да и вообще, жизнь на колесах учит ценить маленькие радости и горячий душ среди них король. Аминь. Подойдя к зеркалу, я обнаружил, что та небольшая царапина, которую я обнаружил утром на месте раны, исчезла без следа. Вот еще вопрос, зачем было так стараться? Ведь мало того, что я был ранен, но и вся моя одежда должна была, как и кейс пропитаться кровью. Однако, за исключением небольшого пятна возле разреза, оставленного явно с умыслом, нигде больше ни пятнышка. При этом ни футболку, ни брюки никто не стирал, я специально вернулся и внимательно их осмотрел и даже нашел небольшое пятно от горчицы, посаженное пару дней назад. То есть, если даже предположить, что существуют какие-то неизвестные способы (я все еще пытался обойти слово «магия», хотя оно и напрашивалось) удаления пятен крови и только их, они могут работать еще и весьма избирательно и в очень краткие сроки. Душ шумел, а я сидел голый с разложенной на коленях одеждой и все еще никак не мог заставить себя успокоиться и записать происходящее «в непонятное». Просто наваждение какое-то... Наваждение.... Погодите-ка. А что было, перед тем как я смог расслышать разговор братьев в машине? У меня было какое-то странное состояние, какое бывает, когда летом лежа на траве, закончив наброски какого-нибудь пейзажа, я бездумно смотрю в проплывающие облака. Зелено-золотой луч то скрывается за качающимся кружевом ветвей, то вновь бьет в глаза. Жужжанье пчелы и шелест травы единственный звуки в мире. Затем пропадают и они, ты ощущаешь себя как за толстым стеклом. Еще немного и дрема накроет тебя. И разрушить эту хрупкую гармонию может все что угодно – неожиданный звук, неловкое движение или... Не давая себе времени задуматься и почти ощущая тепло летнего солнца, я со всей дури врезал локтем по углу прикроватной тумбочки. Боль была такой острой, что я испугался, не повредил ли себе что-то. Но тут переживания отошли на второй

план. С привычным зудом, на руке проявилась уже знакомая угловатая вязь. Теперь я смог рассмотреть весь процесс, символы или звенья проявлялись по очереди. Как бы убегая от точки пульсировавшей болью, они возникали у локтя и спирально оббежали предплечье, багровые в начале и почти сливающиеся по цвету с кожей где-то на пульсе. Я уже хотел было рассмотреть их подробнее, что б потом зарисовать по памяти, но меня отвлекло возникшее слабое желтоватое свечение. Светились мои футболка и брюки. Безнадёжно испорченные засохшей кровью, сплошь пропитавшей их, с одной стороны.

Глубоко задумавшись, я принял душ в рекордные сроки, забыв, что собирался сполна насладиться горячей водой. По-хорошему, следовало еще, и побриться – щетина на подбородке, да и на макушке явно требовала внимания, но учитывая обстоятельства, с этим можно было и повременить. Но не долго, небольшой шрам, чуть выше лба, не заметный на коже сам по себе, среди щетины будет выделялся уродливой проплешиной. Избегая столь явного «украшения» в свое время, я предпочел решить вопрос радикально, и теперь был вынужден постоянно поддерживать стиль Юла Бриннера.

Как и в прошлый раз, знаки с руки исчезли достаточно быстро, а вместе с ними пропало и жжение. Причем, как мне показалось, в горячей воде знаки исчезали быстрее, а зуд пропал почти моментально. Надо бы разыскать этого замечательно дядю Финна и поподробнее расспросить о его подарке.

Кстати, вот еще один повод позвонить Шейле. Я вдруг осознал, что как подросток боюсь набрать ее номер. За одни лишь сутки мой мир столько раз кувыркался с ног на голову и обратно – немудрено потеряться. Я взрослый человек, не монах и всего лишь ожидание встречи с красивой девушкой, не мешало мне, к примеру, рисовать в поезде. Я спокойно заканчивал работу, не испытывая особых переживаний. Теперь же, что греха таить, я был ошеломлен и обескуражен. В тишине номера, я понял это окончательно. Я боюсь. Боюсь того, что ничего не понимаю, того, что события, которым пока я был лишь свидетелем, увлекут меня как вышедшая из берегов река, сносящая на своем пути камни, деревья и целые дома. Человек может выстроить сколь угодно крепкое строение, но стихия в момент может все разрушить и даже стереть всякие следы того, что создавалось на века. Я слишком привык не быть, по большому счету никому должным. Издательство не в счет. В любой момент я мог отказаться от сотрудничества, всего лишь написав письмо. Но тут было другое. То, что я сейчас скажу или, наоборот, о чем умолчу, может в корне изменить мою жизнь. Передо мной Рубикон и надо или переходить его, или возвращаться. Я глубоко вздохнул и набрал номер. «Абонент сейчас не может ответить на ваш звонок. Оставьте голосовое сообщение после сигнала». Чуть позже, завязывая шнурки, я все еще испытывал смесь облегчения с досадой – трудный разговор откладывался, но я надеялся услышать от Шейлы, что она скучает, ждет встречи, что у нее все хорошо и она немного волнуется за «раненного героя». Ну и конечно сказать самому, что и волнуюсь, и скучаю и жду встречи. Впрочем, все это я как раз и надиктовал на голосовую почту. Остается только ждать. А пока надо попытаться разобраться в происходящем самостоятельно, хоть какое-то занятие. До вечера еще есть время и пока не появились ушлые братцы Мак`Фиона можно попробовать разговорить миз Оунаг. Да и вообще, оглядеться не помешает.

Гостиничный коридор оказался длиннее, чем мне запомнилось. Пару поворотов я точно каким-то чудом пропустил. Надо собраться, ситуация совершенно не располагает к рассеянности. Дав себе зарок не пить сегодня ничего крепче пива, да и того не много, я вышел в общий зал и огляделся. Несмотря на приближающееся обеденное время, занято дай бог треть столов. А вот возле стойки был настоящий аншлаг. Странно, для того что бы просто пить время уж совсем раннее. Мерерид нигде не было видно, и я решил не толкаться у бара, а сесть за ближайший к выходу стол – тут и меня заметить проще всего и мне видно большую часть зала. Так что, кто бы ни появился первым, кузены Шейлы или миз менеджер, мимо меня они не прошмыгнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.